

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

Этнографическіе очерки Минусинскаго и Канскаго округовъ, Енисейской губерніи.

(Изъ путевого журнала—1857 г. *).

Населеніе. — Города Канскъ и Минусинскъ. — Образованіе поселеній и деревень. — Большой Московскій трактъ. — Характеристика расположеннаго по немъ населенія. — Общій типъ крестьянъ-старожиловъ, казачковъ и селыно поселенцевъ. — Языкъ. — Черты изъ умственной и нравственной жизни населенія. — Гулянки. — Пьянство. — Народное образованіе. — Расположеніе селъ и деревень. — Строевія старой и новой постройки (рисунокъ). — Мебель. — Одежда. — Пища. — Будни крестьянина. — Праздничные дни и свѣточныя забавы. — Домовѣдство крестьянъ. — Народная поэзія, сказки и преданія. — Свадебныя обряды. — Обычай, повѣрья, предрассудки, примѣты, пословицы и загадки.

Минусинскій и Канскій округи населяютъ: 1) сибиряки-старожилы, 2) селыно-поселенцы, живущіе отдѣльными поселеніями и приписанные къ деревнямъ старожилы, 3) казаки, размѣстившіеся отдѣльными станицами на югѣ Минусинскаго округа, 4) кочевые инородцы: татары, Минусинскаго округа, и карагасы, Канскаго округа, и, наконецъ, 5) добровольные переселенцы изъ мало-земельныхъ великорусскихъ губерній. Городское населеніе составляютъ служащіе гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, кушцы, мѣщане и разныя цѣховые.

Это населеніе, въ числѣ 116,070 душъ обоего пола, занимаетъ площадь пространствомъ въ 26,323 квадр. версты.

Въ Минусинскомъ округѣ находится одинъ окружный городъ Минусинскъ, 16 селеній, 88 деревень, 6 старыхъ казенныхъ поселеній, 23 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами.

Въ Канскомъ округѣ одинъ уѣздный городъ Канскъ, 20 селеній, 91 деревня, 14 старыхъ казенныхъ поселеній, 3 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами Вятской губерніи (въ числѣ 1,219 душъ обоего пола).

Минусинскъ переименованъ въ окружный городъ Енисейской губерніи въ 1822 году изъ с. Большой Минусы.

Канскъ построенъ въ 1638 году для приведенія въ подчиненіе котловъ и другихъ, кочевавшихъ по р. Кану, племенъ, извѣстныхъ большею частью подъ именемъ качинцевъ и камасинцевъ. Основаніе канскаго острога положено атаманомъ Ермакомъ Остафьевымъ, который, по приказанію воеводы Дубенскаго, съ 50-ю казаками долженъ былъ продолжать завоеваніе земель по р. Кану. Атаманъ Ермакъ, пройдя 200 верстъ по р. Кану, по причинѣ множества пороговъ и пустынности страны, рѣшился остановиться на одномъ лугу, на лѣвомъ берегу р. Кана. Здѣсь онъ располагалъ отдохнуть до прибытія посланнаго

* Изъ архива Имп. Р. Геогр. Общества. Желательно знать, много ли съ того времени переѣхалось въ этомъ край? *Ред.*

гонца къ воеводѣ относительно дальнѣйшихъ распоряженій. Но гонецъ скоро не возвращался, наступила бурная осень, предвѣстница суровой и тягостной зимы. Атаманъ Ермакъ, желая собрать сотоварищей своихъ и готовясь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, построилъ здѣсь нѣсколько хижинъ и оградилъ ихъ ровомъ и палисадникомъ по общепринятому обычаю первыхъ завоевателей. Въ 1822 г. Канскъ возведенъ въ окружный городъ Енисейской губерніи. Нынѣ Канскъ, по своему мѣстоположенію и наружному виду, считается однимъ изъ самыхъ посредственныхъ и бѣдныхъ уѣздныхъ городовъ Енисейской губерніи.

Объ основаніи старожильческихъ селеній и деревень положительныхъ свѣдѣній не сохранилось, и у жителей на ихъ земельные участки никакихъ письменныхъ актовъ не существуетъ; въ волостныхъ же управленіяхъ хранятся дѣла только съ 1822 года. Но по ходу историческихъ событій должно полагать, что первыя селенія образовались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, и первыми строителями были казаки; за которыми послѣдовали свободные хлѣбопашцы, переселенные въ Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II какъ добровольно, такъ и въ зачетъ рекрутъ, для заселенія края. Затѣмъ, къ этому первоначальному населенію присоединились ссыльные поселенцы, разнаго рода кочующіе инородцы, переселенцы изъ сосѣднихъ округовъ, мѣщане городовъ Енисейска, Томска, Иркутска, каторжные изъ казенныхъ заводовъ и, наконецъ— уже въ новѣйшее время— образовались отдѣльныя казенныя поселенія для ссыльных и поселенія, устроенныя добровольными переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи¹. Отсюда уже видно, что въ сельскомъ населеніи этихъ двухъ округовъ болѣе преобладаетъ элементъ жителей разныхъ губерній Европейской Россіи, нежели аборигеновъ южной части Енисейской губерніи, которые, при заселеніи русскими этого края, удалились одни за Саянскій хребетъ или Бѣлогорье, другіе перекочевали въ Минусинскій округъ и заняли большую часть степныхъ мѣста по лѣвую сторону Енисея. Но за исключеніемъ казенныхъ поселеній ни въ одной деревнѣ нельзя найти жителей одной какой-нибудь русской губерніи, или переселенцевъ изъ одного мѣста и города. Естественно, переселенцы эти не живутъ отдѣльными деревнями, а разбросаны по всему округу, такъ что въ одномъ селѣ можно встрѣтить крестьянъ, изъ которыхъ одни ведутъ свое происхожденіе отъ азиатскихъ народцевъ, другіе отъ пограничныхъ казаковъ или ссыльно-поселенцевъ и, наконецъ, отъ добровольныхъ переселенцевъ, русскихъ и сибирскихъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Послѣдній классъ жителей, по разсказамъ старожиловъ, образовался слѣдующимъ образомъ: выписываемые мастера для постройки церквей и другихъ зданій, прихотившіе изъ разныхъ мѣстъ плотники, кузнецы, ходобщики, заѣзжіе мелочные торговцы, проживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, вступали въ семейныя связи съ обитавшими уже здѣсь жителями, внослѣдствіи обзаводились хозяйствомъ и силою обстоятельствъ были вынуждаемы поселяться навсегда въ извѣстной деревнѣ или селѣ. Каждый такой переселенецъ, въ особености въ первыя времена заселенія Сибири, селился, гдѣ хотѣлъ, и избиралъ мѣсто осѣлости по своему произволу и удобствамъ, какъ дѣлали казаки, первые завоеватели края. Ко-

¹ Дѣла архива минусинскаго окружнаго управленія.

нечно, подобнаго рода заселенія не обходились без междоусобій, въ особен-ности на землях инородческихъ; но раздоры эти, только во время заво-еванія Сибири казаками, иногда оканчивались кровопролитіемъ; впоследствии же споры о завладѣніи инородческими землями большею частью оканчивались драками или безконечными тяжбами. Безъ сомнѣнія, казаки, населяющіе нынѣ Минусинскій округъ, какъ первые пришельцы и потомки завоевателей Сибири, заняли въ Енисейской губерніи самыя лучшія мѣста. На долю позднѣйшихъ переселенцевъ досталось еще много богатыхъ земель и пастбищъ, но съ тѣхъ поръ какъ стали заселять южную часть Енисейской губерніи ссыльно-поселен-цами и добровольными переселенцами, устранивая для нихъ отдѣльныя поселенія, многія расчищенные крестьянами-старожилами пашни были отданы поселенцамъ, крестьянамъ предоставлена была полная свобода распахивать—гдѣ и сколько кому было угодно—земли за чертою отмежеванныхъ земель для поселенцевъ.

Сельское населеніе Канскаго округа расположено по теченію р. Кана и впадающихъ въ нее рѣчекъ и по большому московскому тракту. Населеніе Минусинскаго округа, который отдѣляется отъ Канскаго округа высокими хреб-тами, отраслями Сабинскихъ горъ, расположено по обѣимъ сторонамъ р. Енисея, въ горахъ и по степямъ, и удалено отъ почтоваго московскаго тракта на 500 верстъ къ югу.

Нужно замѣтить, что просвѣщеніе въ Сибири больше распространено между жителями, населяющими полосу, по которой пролегаетъ этотъ трактъ, и чѣмъ болѣе оно удалено отъ него, тѣмъ болѣе замѣчается въ немъ простоты, патри-архальности. Къ сожалѣнію, гостепримство, радушіе и честность—каче-ства, которыми славилась сибиряки, становятся все слабѣе среди населенія по московскому тракту. Въ отдаленныхъ отъ него селеніяхъ гостю, кто бы онъ ни былъ, всегда рады, и заплатить за обѣдъ или самоваръ—значитъ обидѣть хозяина. На почтовой же большой дорогѣ народъ до того избалованъ и сталъ корыстолюбивъ, что не стыдится спросить денегъ за каждую бездѣлицу, и назначеніе рубля за обѣдъ считается здѣсь самою умѣренной платою. Есте-ственно, всякіе пороки и преступленія чаще наблюдаются среди этого населенія. Прекле путешественникъ могъ спокойно проѣхать всю Сибирь и никто не пытался утащить даже веревку съ повозки; нынче же осталось за счетъ сибир-яковъ только одно достоинство, что васъ здѣсь не убьютъ или не зарѣжутъ. Но кражи разныхъ вещей, обрѣзываніе ящиковъ, привязанныхъ за повозкою—это случается сплошь и рядомъ, если только представляется къ тому сколько-нибудь удобный случай. Впрочемъ, говорятъ, что такія проѣлки совершаются большею частью ссыльно-поселенцами и бѣглыми бродягами, которые дѣтотъ безпрестанно странствуютъ изъ каторжной работы. Но нынѣ случалось встрѣчать довольно большія партіи бѣглыхъ каторжныхъ и никто изъ нихъ кромѣ мило-стыни никогда больше ничего не требовалъ отъ меня насильно. Въ Нижне-удинскомъ округѣ, гдѣ селенія рѣдки и дѣса непроходимыя, однажды, подъ ве-черъ, мнѣ попалась партія въ шесть человекъ бѣглыхъ каторжныхъ. Бродяги положили къ экипажу, сняли шапки и, низко кланяясь, просили милостыни. Ящикъ остановилъ лошадей; я изъ предосторожности держалъ пистолетъ въ карманѣ пальто и уже было опустилъ руку въ карманъ, чтобы прибѣгнуть къ защитѣ отъ нападенія, но при видѣ блѣдныхъ, изнуренныхъ длинными переходами

этих несчастных путниковъ въ лохмотьяхъ съ небольшими котомками за спиной, я совершенно успокоился и заговорилъ съ однимъ изъ стоявшихъ поближе къ повозкѣ.

— Кто вы такіе?

— Прохожіе, ваше благородіе.

— Откуда?

— Изъ нерчинскихъ заводовъ. Дай, батюшка, хлѣба кусокъ или что твоей милости угодно будетъ, — устали шибко!

— Такъ это вы днемъ прикидываетесь нищими, а ночью чай подрѣзываете?

Въ прошедшую ночь дѣйствительно сняли у проѣзжаго два мѣста чая, о чемъ узналъ я отъ земскаго засѣдателя.

— Куда намъ дѣваться съ чаемъ, отвѣтилъ другой бродяга, вѣдь на плечахъ не унести, а станешь продавать, сейчасъ узнаютъ.

— Кто же могъ больше подрѣзать?

— Да Богъ его знаетъ — злыхъ людей много. Въ деревняхъ живутъ поселенцы, которые только замѣчаютъ, когда начнутъ проходить бѣглецы съ заводовъ, и тогда сибѣ пускаются на воровство въ надеждѣ, что все подозрѣніе падеть на бѣглыхъ. Это уже не первый разъ случается. Конечно, и между нашими есть вехоршіе люди, но ихъ зато скорѣе ловятъ, и грѣха-то больше на душѣ.

Ящикъ, ѣхавшій съ нами, подтвердилъ эту истину.

Разнородный составъ народонаселенія Сибири постепенно принялъ общія, свойственныя русскому народу, внѣшнія черты. Но несмотря на этотъ общій типъ, стоитъ только взглянуть на фізіономію здѣшняго сельскаго жителя, заговорить съ нимъ и почти всегда можно отличить крестьянина-старожила отъ осмыльно-поселенца или казака. Различіе это замѣчается въ говорѣ, выразительности лица, степенности, безнечности, вѣжливости или дерзости и въ другихъ мелочныхъ, но довольно характеристическихъ отличіяхъ. У крестьянина-старожила рѣчь спокойная, говорить онъ протажно, въ разговорѣ выказываетъ много учтивости, пріятности, но при всемъ томъ онъ всегда остороженъ, недовѣрчивъ и скрытенъ. Вы спросите здѣшняго крестьянина: гдѣ живетъ волостной писарь?

— Что это? — Волостной писарь гдѣ живетъ?

— Писарь-то?

— Ну да, писарь.

— А вонъ тамъ дальше! — указываетъ крестьянинъ рукою и, какъ будто хорошо объяснивъ домъ писаря, уходитъ поскорѣе. А чаще всего спрошенный крестьянинъ отговаривается незнаемъ: — «Мы не здѣшніе, не знаемъ». Всмотритесь хорошо въ эту, повадимому, глуповатую фізіономію и вы замѣтите, что крестьянинъ старается прочесть въ вашихъ глазахъ, кто вы, зачѣмъ пріѣхали въ деревню и, навѣрное, при первой встрѣчѣ съ товарищемъ, передастъ ему всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія. Чтобы вызвать здѣшняго крестьянина на откровенный разговоръ, надо выпить съ нимъ цѣлый самоваръ или порядочно угостить его виномъ. Подъ веселую руку здѣшній крестьянинъ уже не думаетъ объ отвѣтѣ, вообще судить здраво, говорить просто, но умно и довольно пріятно.

Крестьяне-старожилы роста среднего, хотя нередко встречаются и высокого роста; очертания лица у нихъ чаще всего круглыя; глаза сѣрые и волосы свѣтлорусые; тѣлосложеніемъ они крѣпки, плотны. Здѣшнія женщины роста высокаго, съ румяными щеками, тоннымъ взглядомъ, но не мало статны и очень часто съ черными зубами. Женщины имѣютъ привычку постоянно жевать сѣру или черемшу, какъ противоскорбутное средство, а сѣру жуютъ съ цѣлью очистить зубы послѣ ѣды; отъ этого у женщинъ запахъ изо рта всегда непріятный. Самое лучшее у мужчинъ и женщинъ, что прежде всего бросается въ глаза наблюдателю, это свѣжесть лица, которая сохраняется у нихъ до старости.

По наружному виду, казаки похожи на крестьянъ, но казакъ отличается стройностью, смѣлливостью; волосы онъ носитъ обстриженные, борода выбрита. Крестьяне же брѣютъ бороды и усы до 30-лѣтняго возраста, потомъ бороду запускаютъ, а усы только подстригаютъ. Военная дисциплина или сознание своего военного званія дѣлаютъ казака человѣкомъ ловкимъ, разговорчивымъ, расторопнымъ, смѣлливымъ, но, притомъ, хитрымъ и недоверчивымъ. Казакъ—вообще человѣкъ бывалый: онъ знаетъ самые отдаленные уголки Сибири, ему извѣстно все, что происходитъ въ его округъ; все, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ умѣетъ передать и рассказать не хуже грамотнаго. Здѣшнихъ казаковъ выгодно характеризуютъ: трезвость, доброе поведеніе, трудолюбіе, гостепримство, любознательность, предприимчивость и изворотливость въ торговыхъ оборотахъ. Но, при всемъ томъ, робость и безпечность, какъ характеристическія черты, составляютъ неотъемлемыя свойства почти всѣхъ жителей Сибири.

Что касается, наконецъ, ссыльно-поселенцевъ, то это тунейцы, извѣстные своею лѣнностью и скитальческою жизнью; они до сихъ поръ не представляютъ ничего утѣшительнаго для края. Впрочемъ, попадаются и между ними довольно порядочные хозяева, которые, по прибытіи въ Сибирь, успѣли обзавестись хозяйствомъ и сдѣлались осѣдлыми.

Языкъ здѣшняго населенія представляетъ смѣшеніе нарѣчій разныхъ великорусскихъ губерній, но онъ всего ближе подходитъ къ говору ярославскому и другихъ подмосковныхъ губерній. Нарѣчіе мѣстныхъ крестьянъ отличается отъ нарѣчія ссыльно-поселенцевъ; послѣдніе сохранили нарѣчіе той губерніи, изъ которой сосланы въ Сибирь. Особенности нарѣчія крестьянъ состоятъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, буквъ и въ сокращеніи глаголовъ. Однѣ и тѣ же буквы то выговариваются правильно, то неправильно. Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожій на потный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Буква *о* всегда сильно выступаетъ. У крестьянъ замѣчается особенная страсть коверкать собственные имена людей и названія нѣкоторыхъ предметовъ; напр.: Ната—Наталія, Степча—Степанъ, Петрованъ—Петръ, Паруша—Прасковья, Маринча—Марина, бумага—бумага, восподинъ—господинъ, подъ ярѣстомъ—подъ арестомъ, и др. Но при всемъ томъ, выговоръ словъ нѣженъ и въ разговорахъ наблюдается чрезвычайно много учтивости и мягкости. Крестьянинъ называетъ крестьянина по имени и отчеству. Ящикъ называетъ купца «ваше почтеніе», чиновника—«ваше высокоблагородіе».

Кромѣ особеннаго выговора и оборотовъ рѣчи, встрѣчается еще употребленіе словъ, которыя мало извѣстны или вовсе неизвѣстны въ общепотребитель-

номъ языкѣ. Вотъ опытъ краткаго мѣстнаго словаря, по которому отчасти можно судить о нарѣчій здѣшнихъ жителей:

Авось	можетъ быть.
Баю	говорю.
Братань	братъ (здравствуй, братань!).
Болозень	хорошо что, кстати.
Борошень	пожитки.
Букарка	козявка.
Вонъ-де ка	тамъ.
Взаболъ	въ самомъ дѣлѣ.
Во Христовую недѣлю	первая недѣля Пасхи.
Варнакъ	каторжный (слово бранное. Назвать варнакомъ, значить, страшно обидѣть).
<i>Воспуга</i>	
Въ топори	тогда.
Ваньча	Иванъ.
Водня	хождение за дѣтьми.
Влазины	новоселіе.
Выбыгало	высохло.
Встрѣлся	встрѣтился.
Взясть	взять.
Гуляйте къ намъ	прошу приходить къ намъ въ гости.
Горазно	рѣдко.
Гумага	бумага.
Дярча	Дарья.
Дивно	давно.
Елань	перелѣсокъ, роша.
Емá, имя	имъ (мѣстоименіе).
Загуляйте	зайдите.
Заревн	позови.
Зимусь	зимомъ.
Зепъ	карманъ.
Колда	когда.
Косвални	надняхъ.
Кисованъ	Октябрь.
Коврига	хлѣбъ, коровай.
Кортомить	отдавать въ наймы.
Ланисъ	въ прошломъ году.
Лопоть	одежда (въ един. числѣ).
Лопотина	одежда (во множ. числѣ).
Лончакъ	одногодный жеребенокъ.
Лышакъ, лѣшакъ	дьяволъ.
Матерый	большой.
Мотри	смотри.
Моленной	добродѣтельный человекъ.
Марича	Марина.

Могите защищать	прошу оказать защиту.
Мара—вотъ мара!	неуклюжий.
Марено	паръ въ воздухѣ отъ жара.
Морочно	пасмурно.
Маганный	б'юлокурый.
Мона	меня.
Мизгирь	паукъ.
Молосное	скромное.
Напрокъ	въ будущемъ году.
Не давай знаку	не давай мѣшкать.
Не бардую	не боюсь.
Не занимается	не занимаешься.
Нѣту-ка	нѣтъ.
Нут-ка	ну.
Нѣтчикъ	отсутствующій.
Недоточень	не годится къ чему-нибудь.
Необиходно	ничего.
Норки	ноздря.
Опам'днн	въ прошлой разъ.
Оногда	
Облакатся	одѣваться.
Однорядка	армякъ изъ крестьянскаго сукна.
Обутки	вообще башмака, сапоги, черки.
Осенисъ	осенью.
Ободеници	рамы окна.
Окятить	вычистить.
Опружить	опрекинуть.
Подчалокъ	мальчикъ 8—10 лѣтъ.
Посушрствоваль	поссорился.
Петрованъ	Петръ.
Подъ арестомъ	подъ арестомъ.
Пятной: пятнало бы тебя!	бранное слово: покрыло бы тебя ранами.
Пеструна	пестрая.
Поглядь-ко	посмотри.
Паруша	Параша.
Подстрѣль	бранное слово: стрѣляло бы тебя!
Потрусъ	непріятное обстоятельство.
Прокъ	на будущій годъ.
Паугъ	оводъ.
Плетево	ростъ (напр., у него хорошее плетево— у него хорошій ростъ).
Робить	работать.
Ревѣтъ	кричать (довольно смѣшно слышать, когда рассказываютъ о дамѣ, что она кричала: «она реветъ, реветъ»).
Снимя	съ нимъ.

Стешка Степанида.
 Сагиры бродни (сапоги непромокаемые).
 Сурпа корзина из тростника.
 Сродный двоюродный.
 Селётокъ годовой жеребенокъ.
 Смолость вымя (часто подаютъ вмѣсто жаркого).
 Станокъ станція почтовая.
 Тьма много.
 Туту-ка туту.
 Третьякъ жеребенокъ по 3-му году.
 Тавро штемпель, которымъ штемпелюють лошадей.
 Тайга дремучій лѣсъ.
 Тоскливо скучно.
 Урганичать бѣлковать за орѣхами (напр., когда бѣлка

запасается орѣхами, то отыскивать орѣхи, значить: урганичать).

Уруть отчаянная драка.

Уросить упрямиться.

X Федьна, Федюха Федоръ.

Чаю думаю.

Чурхать слышать.

X Чуча тебя возьми. бранное слово (когда-то была здѣсь чудь, народъ, который, по преданіямъ, будто бы при видѣ бѣлой березы убивалъ себя).

Чернуна черная.

Чалдались спорили, хлопотали.

X Шелеви шевели.

Шагайте добро жаловать, идите къ намъ, покорно прошу.

Этова этого.

Эку спѣнь нагналь настрашалъ.

Эта трубля какое чудное дѣло.

Экстра была ссора была.

Язвить бранное слово (напр., «а чтобъ-те язвило!»).

Для примѣра считаю невзланимъ присовокупить складъ здѣшней рѣчи. Десятскій стучится въ окно къ крестьянину и требуетъ лошадей для исправника.

— Дома-ль, хозяинъ, у ты кони? Повозка бѣжить, исправникъ въ волости!

— Чаво, отвѣчаетъ, тамъ такъво?

— Полно баять, коней выводи, знашь свое дѣло, а то взаболь осерчаетъ исправникъ! Вашъ колокольцы-то брякають, видно проѣхалъ въ засѣдательскую. Поди-тко-сь! Какой карандастикъ-то важнецкій! говоритъ десятскій, глядя на проважашую повозку.

Крестьянинъ неохотно встаетъ съ постели, будить жену, чтобъ поспѣтила.

— Серашичка, Серашичка (Серафима), видь-ко сюда, да сними огня!

— А и, чаво-жь ты, взаболь ревешь; лѣшій что-ли ты поднялъ ночью! Что бы вась тамо-ка! Какъ спужали! Да чего-жь тамъ такого?

Мужикъ мужику говорить учтиво; крестьянка называетъ свою знакомую по имени и отчеству:

— Когда же вы къ намъ пожалуете? Дивно ужь однико не гуляли!

— Однико, дивно, Авдотья Ивановна! Время страдное, да и въ хатѣ-то водня такая, покою нѣтъ. А надо же колда-нибуль завернуть къ вамъ на влазины.

Несмотря на этотъ вѣжливый тонъ рѣчи, въ бранныхъ словахъ сибиряки не уступать великорусскимъ мужичкамъ.

Мать говоритъ дочери и потомъ обращается къ работнику:

— Ахъ, дѣвка, вставать-то надо, да прять; вѣдь, поранѣ, дятяtko, встанешь, дакъ болѣ наряднешь,—нагѣятца-то не на кого; я прять-то сама не могу. Сама ты, родимая, не забудь: кто поранѣ-де встаетъ, тотъ богато живетъ, дѣвка!

Тутъ хозяйка смотритъ въ окно и видитъ, что кто-то выпустилъ овецъ и телятъ изъ хлѣва.

— Бѣги скорѣй, говоритъ она работнику, овчешки тѣ вышли, будь ты проклятъ, какой-то лѣшакъ ихъ выпустилъ! Ну, да ужь какой ты неповоротень, еще колды и сказала телятъ-то напоить, а онъ еще и овецъ не напоилъ, собака! Будь ты проклятъ, все надо самой-то, вотъ чуча навязалась! Питвало бы де его, прости, Господи, мои тяжкія прегрѣшенія, нехоти-де согрѣшаешь; деньги-де берутъ, да и тянутъ день до вечера, варначьѣ собаки! Имъ какъ бы только день прошелъ скорѣй, а того не знаютъ, что день да ночь—вотъ и сутки прочь!

Надо замѣтить, что при разговорахъ крестьяне-старожилы всегда употребляютъ присловья: ко, де, те, ась, асьнька. Напр: поди-ко, погляди-ко, у меня-де онъ не скажетъ, де онъ есть, де чего и послушать. Вотъ-те и гудокъ, вотъ-те тутъ и попалъ въ кошель, вотъ-те и игрушка! Слово ась употребляется при вопросѣ и при названіи кого-либо по имени, напр: ей Петроваць! онъ отвѣчаетъ: ась? Старики же отзываются: асьнька?

Мужикъ приходитъ съ работы и говоритъ женѣ.

— Баба, почи-ко мѣшки, завтра надо будетъ хлѣбъ вѣять.

Вдругъ видитъ ребенка на полу и начинаетъ кричать на жену:

— Ужь ты—какая розиня! Ребенокъ весь замарался, а ты ослѣпла, не видишь-те.

Потомъ, умывъ руки, обращается къ женѣ:

— Стряпка, станови-ко на столъ, да бѣги провориѣ, тащи квасу, бѣда какъ пить-те охота!

Вотъ еще образецъ склада рѣчи грамотнаго сибиряка-крестьянина: «Все-любезнѣйшій Сынъ мой Тимофей Ивановичъ! Посылаю тѣ родительское навѣки нерушимое отъ чистаго сердѣ-ца Благословленіе, всенижайшій поклонъ такожде и Матушка твоя Аграфена Ивановна кланіет-ца, и посылаетъ благословеніе навѣки нерушимое. Братъ-ца твои Иванъ, Петруха, и Сестры Дарюша и Катъша ниско кланіють-ца отъ тѣбѣ мы всѣ вообще просимъ отъ чистаго сердѣ-ца

прислать намъ на подушину денегъ хоть сколько тебѣ заблагодѣлительна». Или: <Донесеніе старшины въ Абоконское волостное управленіе.

Деревня Свиньяной Старшины

Ляпорта!

«Вчера приѣхалъ ходокъ съ приказомъ въ которомъ писано донести, что близъ р. Сыды подъ Скотина много-ли имѣеть въ округность версть, но такъ какъ это было подъ праздникъ то всё общество было въ банѣ; а я Старшина чтобы поскорѣ исполнить приказъ взялъ жену мою Федору и Куму Хавровню, объѣхалъ три раза и нагрехъ немогъ толку никакого дать, очемъ Волостному правленію и даношу и въ полученіи моего Ляпорта предписываю дать Росписку».

А вотъ образецъ грамотности и склада рѣчи здѣшнихъ казаковъ. Въ бытность мою въ Каратузской станицѣ, я написалъ нѣсколько вопросовъ относительно мѣстнаго сельскаго хозяйства и этнографіи и передалъ ихъ одному хорунжему за-уралъ съ тѣмъ, чтобы получить свидѣнія о занятіяхъ казаковъ. Вотъ его отвѣтъ:

На вопросъ: земледѣліе и народное богатство?

«Качество почвъ по сей Станицѣ различное, возле Каратузскаго села почва-то черноземная, то супесь. Хлѣбопашествомъ казаки занимаются не въ большихъ размѣрахъ и засѣвается хлѣбъ только для собственного продовольствія. Более всего занимаются скотоводствомъ, для котораго мѣстность благоприятствуетъ».

На вопросъ: ремесла, какъ-то: выдѣлка деревянной посуды, смолы и дегтя?

«Эти художества весьма въ маломъ количествѣ развиты, ихъ приготавливаютъ для своихъ надобностей».

Крестьяне, живущіе по большимъ почтовымъ трактамъ, говорятъ лучше, чѣмъ живущіе по проселочнымъ дорогамъ и мѣстамъ, отдаленнымъ отъ губернскихъ городовъ. Женщины, хотя говорятъ неправильнѣе мужчинъ, но пріятнѣе и болѣе на-распѣвъ. Большая часть изъ нихъ не выговариваютъ буквъ *р* и *л*, что придаетъ рѣчи свою особенность, напр.: юбъ-ю—люблю, къясный—красный, бо-ить—болить, кодовушка—коровушка.

Говоря объ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ здѣшняго населенія, надо замѣтить, что крестьянинъ-сибирякъ, по нашимъ наблюденіямъ, въ умственномъ отношеніи далеко превзошелъ крестьянина Европейской Россіи. Заговорите съ любымъ здѣшнимъ мужикомъ, и если онъ знаетъ, что съ вами можно говорить откровенно и онъ не подозреваетъ въ васъ какого-нибудь «лявизора» или важнаго чиновника,—станетъ излагать свои мысли ясно, здраво, если хотите, даже остро. Но добиться отъ него этой откровенности чрезвычайно трудно: здѣшній крестьянинъ всегда на-сторожѣ и воображаетъ, что онъ—предметъ постоянныхъ происковъ, а потому онъ всегда недовѣрчивъ, скрытенъ, лукавъ и плутовать. Сибирякъ «себѣ на умѣ». Онъ кротокъ, ласковъ, вѣжливъ, съ высшей степени послушенъ мѣстнымъ властямъ, но онъ таковъ только по-видимому, въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ съ другими. На самомъ дѣлѣ онъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ, и прежде чѣмъ самъ

выскажетъ свое мнѣніе, старается все ему необходимое разузнать отъ васъ и потомъ уже, смотря потому съ кѣмъ имѣть дѣло, станетъ разсуждать съ вами. Если же онъ замѣтитъ въ своемъ собесѣдникѣ смысленность, умъ, сейчасъ это «смѣкаетъ», и будетъ затѣмъ постоянно лукавить душой.

Украшавшія крестьянина нравственныя качества — честность, гостепрѣимство и состраданіе къ ближнимъ годъ отъ году падаютъ. (?) Несчастливымъ ссыльнымъ, безпріютнымъ, сиротамъ, людемъ, потерпѣвшимъ несчастіе отъ непредвидимыхъ причинъ, крестьяне всегда готовы помочь. Проходить ли партія ссыльныхъ — навстрѣчу имъ бросаютъ — кто сколько можетъ — деньги, и т. п. и снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, рыбою и проч.; зайдутъ ли въ деревню «прохожіе» (бѣглецы изъ ссыльно-каторжныхъ заводовъ) крестьяне — безъ разспросовъ о нихъ и малѣйшаго упрека по адресу ихъ — кормятъ несчастныхъ, иногда даютъ немного денегъ и лишнюю обувь или одежду. Въ большіе праздники иная хозяйка напекаетъ пироговъ, шанегъ, изжаритъ кусокъ баранины и все это посылаетъ въ острогъ арестантамъ. Нерѣдко случается, что разыскиваютъ нищихъ и посылаютъ имъ посильную помощь на домъ.

Нигдѣ, кажется, такъ не любятъ разсѣвать новости, а большею частью ложныя слухи, какъ въ Сибири. Новости расходятся здѣсь съ неимоверною быстротой: крестьянинъ, услышавъ что-нибудь въ городѣ, на базарѣ, передастъ ящичку, ящичекъ другому, тотъ переувеличиваетъ слышанное на свой ладъ, преувеличиваетъ, и вы удивляетесь, какъ это то, что дѣлается въ Иркутскѣ, черезъ нѣсколько дней извѣстно въ Красноярскѣ, а черезъ три-четыре недѣли знаетъ вся Сибирь. Вообще, слухи въ Сибири въ большомъ ходу какъ среди простого народа, такъ и въ высшихъ кругахъ общества. Впрочемъ не подумайте, что клевета разносится здѣсь съ какою-нибудь злобою — нѣтъ. Любознательность — или скорѣе — любопытство развиты здѣсь въ высшей степени.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшній крестьянинъ стоитъ, сравнительно, довольно высоко. Буйство, грабежъ, воровство и другія преступленія здѣсь чрезвычайно рѣдки. Если попадется кто-нибудь въ воровствѣ, то скорѣе поселенецъ, чѣмъ мѣстный крестьянинъ. Изъ главнѣйшихъ пороковъ, свойственныхъ здѣшнимъ жителямъ: дѣнь, пьянство, мщеніе и развратъ. Пьянство и развратъ здѣсь не называютъ даже порокомъ: они такъ усвоились жителями, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Молодая дѣвушка не дорожитъ своимъ пѣломудріемъ и развратничаетъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается беременною; тогда только являются женихи и берутъ ее себѣ въ невѣсты, уже въ полной увѣренности, что она способна приносить дѣтей или, вѣрнѣе, работниковъ. Жениха не печалитъ прежнее дурное поведеніе невѣсты: «пошалаила въ молодости, будетъ хорошая хозяйка въ старости», думаетъ онъ.

Сознаніе своей свободы, самолюбіе сильно развиты въ сибирякахъ. Причиненныя имъ обиды они помнятъ долго, и потому мщеніе затаенное, обдуманное и долговременное характеризуетъ нравы здѣшнихъ крестьянъ. Правду рѣдко можно узнать у здѣшняго крестьянина. Онъ полагаетъ, что ничего не дѣлается для его блага, а если что дѣлается, то лишь изъ-за однихъ корыстныхъ видовъ. Когда вы станете распрашивать здѣшняго мужика о хозяйствѣ и достаткахъ его, онъ никогда не скажетъ вамъ истинны. На ваши распросы онъ съ величайшею осторожностью и недоувѣрчивостью отвѣчаетъ общими фразами, ста-

раюсь всегда представить свое положеніе въ самомъ жалкомъ видѣ. Должно быть, прошедшія времена неограниченнаго господства всеводъ глубоко запали въ народныя преланія, и характеры дѣдовъ и отцовъ едва ли и до сихъ поръ не отражаются въ поступкахъ позднѣйшаго и нынѣшняго поколѣній.

Религіозное чувство сильно развито въ здѣшнемъ населеніи, но выраженія вѣрнѣйшей набожности его почти не замѣчается. Для характеристики этой стороны народной жизни привожу здѣсь отзывъ священника Писинской волости о религіозности здѣшнихъ крестьянъ:

«Въ церковь собирается народу много, но мнѣ не случалось видѣть молящихся съ набожностью. Въ несчастія крестьянинъ произноситъ слово «Богъ» какъ будто машинально, не стараясь искать утѣшенія въ молитвѣ — горячемъ изліаніи души, скорбящей передъ Всевидящимъ Творцомъ. Сибирякъ, какъ христіанинъ, не умретъ безъ напутствованія святыми дарами, но и не считаетъ это необходимою. Въ постные дни: среду и пятницу воздерживаются отъ скоромной пищи; но исполняютъ посты болѣе по привычкѣ и изъ видовъ хозяйственнаго сбереженія, чѣмъ для извуренія тѣла, чтобы духъ человека бралъ перевѣсъ надъ его плотью, и постоянныя размышленія дали бы ему возможность яснѣе видѣть и узнать свои недостатки и тѣмъ сдѣлать поступки свои угодными Богу. Отецъ и мать, взрослые и малолѣтнія дѣти никогда не отказываются отъ скоромнаго потчиванія въ гостяхъ, если только представится къ тому удобный случай. Въ этомъ отношеніи ничего утѣшительнаго нельзя сказать и о поселенцахъ. Поселенцы, поступивъ въ Сибирь и проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, скоро перенимаютъ нравы сибирскіе и, со временемъ, ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ здѣшнихъ жителей: также лукавы и недобрычливы, и болѣе сибиряковъ склонны къ праздности и всевозможнымъ порокамъ».

Въ купеческомъ быту еще можно встрѣтить болѣе набожности. Очень часто случается, что въ гостяхъ, въ особенности въ дамской компаніи, другого разговора вы и не услышите, какъ только о церковномъ богослуженіи и о духовныхъ лицахъ; до мелочей замѣчается все, что было сказано и видѣно въ церкви. Еще до сихъ поръ сохраняется обычай въ нѣкоторыхъ старинныхъ купеческихъ домахъ за обѣдомъ пѣть божественныя пѣсни. Но все это дѣлается такъ бессознательно, машинально, что трудно разгадать, таятся ли въ этихъ обрядахъ истинное религіозное чувство. Достоинно замѣчанія, что въ Сибири старики и старухи очень набожны; но дѣти ихъ, напротивъ, очень неохотно ходятъ въ церковь и разсѣянно слушаютъ чтенія изъ богослужебныхъ книгъ. Малолѣтніе въ праздничные дни занимаютъ разными дѣтскими играми, а взрослые имѣютъ привычку сидѣть въ эти дни передъ окнами кабака или стоять среди улицы и, собравшись въ кружокъ, рассказывать о своихъ похожденияхъ и кутежахъ.

Пьянство распространено къ классѣ престолярномъ, какъ между городскими, такъ и сельскими жителями въ одинаковой степени. Крестьяне пьютъ здѣсь періодически. Иногда крестьянинъ не пьетъ вина цѣлый мѣсяцъ, но приходитъ храмовой или другой праздникъ, и тогда этотъ крестьянинъ пьетъ нѣсколько дней сряду. Дороговизна вина (7—8 р. ведро водки) еще заставляеть крестьянъ нѣсколько удерживаться отъ пьянства. Между ними какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно склонны къ гульбѣ. Затѣянная гулянка не пре-

крашается ранѣе 3—4 дней. Заведено такъ, что обыкновенно кутать до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ все заготовленное къ празднику пиво и не съѣдятъ приготовленныя яства. Такія продолжительныя гулянки чрезвычайно отвлекаютъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Въ обыкновенные дни крестьяне рѣдко пьютъ вино; но, вѣроятно, ни одинъ крестьянинъ не откажется отъ приглашенія пойти въ кабакъ и выпить на чужой счетъ. Прїѣзжему гостю изъ другой деревни крестьянинъ всегда радъ; но если онъ прїѣхалъ въ будни, хозяинъ, угощая гостя, никогда не проплетъ съ нимъ болѣе 3 рублей. Это показываетъ нѣкоторую степень бережливости сельчанина. Впрочемъ, здѣсь она довольно своеобразна: то крестьянинъ живетъ слишкомъ бережливо, даже скупо, отказывая себѣ во всемъ; то ему деньги ни по чемъ. Періодъ этотъ наступаетъ обыкновенно съ святками и храмовыми праздниками. Тогда кутежу нѣтъ границъ. Въ каждомъ округѣ, по преданіямъ старины, существуютъ свои, такъ называемые, съѣзжіе праздники и годовые. Съѣзжіе бывають: въ дни св. Петра и Павла, св. Ильи, Иоанна Предтечи, Успенія Пр. Богородицы, Троицынъ день и др.; годовые—на Пасхѣ, Рождествѣ Хр., въ Новый Годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то дни крестьяне сосѣднихъ деревень съѣзжаются въ одно какое-нибудь село, расхаживаютъ изъ дому въ домъ, сосѣдъ угощаетъ сосѣда, прїятель прїятеля. Это пора, когда они мирятся, вспоминаютъ старину и приписываютъ всевозможные случаи, чтобы выпить. Въ эти дни въ селѣ всѣ отъ мала до велика, не исключая и женскій полъ, пьяны. Дѣвицы ходятъ гурьбой по улицамъ села, поютъ пѣсни, заходятъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ и ими угощаются. Дѣвицы сперва пьютъ чай, потомъ вино по рюмочкѣ, по другой, и тутъ-то сопровождающіе ихъ кавалеры уже распоряжаются своими дамами, какъ кому заблагоразсудится...

Послѣ такихъ гулянокъ каждый домохозяинъ составляетъ счетъ своимъ расходамъ, причѣмъ не обходится безъ упрековъ и неудовольствій какъ на самого себя, такъ и на жену за излишніе расходы. Чтобы вознаградить себя за потерянное въ хмѣльные дни, крестьянинъ ведетъ нѣкоторое время (до перваго благоприятнаго случая или праздника) самую воздержную жизнь и кое-какъ пробивается, какъ самый жалкій бѣднякъ. Такъ какъ самолюбіе у здѣшнихъ зажиточныхъ крестьянъ развито въ высшей степени, то мужикъ, если въ будни задастъ гулянку или попойку, то только въ увѣренности, что объ этомъ заговорятъ вся деревня и молва разойдется по всему околотку. Такія крайности въ домашней жизни крестьянъ—отъ расточительности до излишней скупости подають поводъ поселенцамъ, которыхъ старожилы рѣдко приглашаютъ на свои гулянки, подтрунивать надъ ихъ скряжничествомъ:—къ чему ты, братанъ, бездну конишь, вѣдь, ты своею скупостью дьявола смѣшишь?—Я придерживаюсь, отвѣчаетъ старожилъ, батѣиной пословицы, который въ старину баилъ: скупость не глушость, богатство—тотъ же голубокъ: куда захочетъ, туда и полетѣтъ.

Вотъ почему между крестьянами попадаются и такіе субъекты, которые проявляютъ особенную страсть къ деньгамъ. Впрочемъ, такіе сребролюбцы копятъ и берегутъ деньги не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе, а лишь потому, что деньги даютъ крестьянину нѣкоторое значеніе въ околоткѣ; что къ богатому мужику ходитъ и священникъ и чиновникъ, и оказываютъ ему предпочтеніе предъ другими. Сбереженіе крестьянина представляетъ мертвый ка-

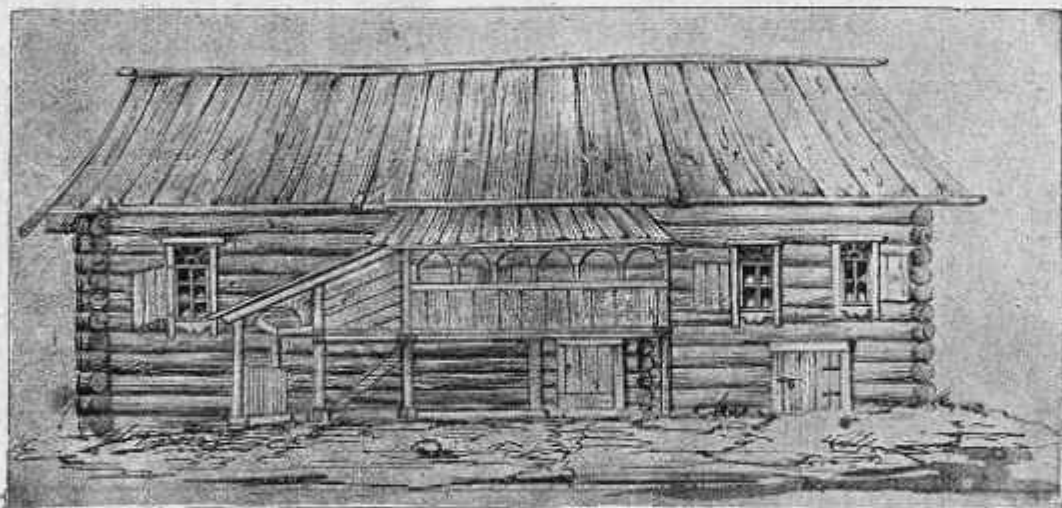

питаль, который онъ не умѣетъ и сохранить. Онъ прячетъ деньги по амбарамъ, въ хлѣбномъ гумнѣ, зарываетъ въ глиняной посудѣ въ землю или въ прорубленныхъ въ стѣнѣ дома потайникахъ. Въ своемъ же сундукѣ крестьянинъ оставляетъ самую незначительную часть денегъ на домашніе расходы. А понадобятся ему деньги, онъ прибѣгаетъ къ нерасчетливому сбыту своего зерна, воровы неизменно продать его въ городѣ, какъ ни недалеко послѣдній отъ деревни.

Существующіе здѣсь способы къ народному просвѣщенію крайне скудны. Въ Минусинскомъ округѣ есть только одно приходское училище; грамотныхъ крестьянъ до 100 человекъ. Въ Канскомъ округѣ одно приходское училище и Рыбинская народная школа. Въ деревняхъ, даже при церквахъ, не учреждено ни одной школы. Старики и старухи бывають очень довольны, когда ихъ дѣти въ праздничные дни читають имъ «божественныя» книги, въ особенности любить слушать житія святыхъ, отцевъ церкви.

Старинныя селенія и деревни какъ въ Минусинскомъ, такъ и въ Канскомъ округахъ выстроены не по плану: гдѣ кто издумалъ, тамъ и строился. Деревни по Большому Московскому тракту расположены по прямой линіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, — она составляетъ главную улицу деревни; остальная часть домовъ разбросана въ разныхъ направленіяхъ, и они сгруппированы такъ тѣсно, что, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ опасностью другому. Расположеніе деревень, удаленныхъ отъ Московскаго тракта, еще неправильнѣе: дома то расположены по одному посаду, но тоже не по прямой линіи, то разбросаны между кривыми и узкими переулками: одинъ домъ выдался на улицу, другой вдался; одинъ своимъ фасадомъ обращенъ во дворъ, другой вдоль переулка. Словомъ, въ старинныхъ деревняхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, каждый строился, гдѣ и какъ хотѣлъ, лишь бы было на то согласіе сосѣдей. Но въ каждой деревнѣ всегда есть одна большая, широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены дома старой и новой постройки. Дома старой постройки стоятъ рядомъ съ новыми, красивыми домиками и своею безобразною формою и ветхостію часто придаютъ улицѣ довольно невзрачный видъ.

Форма домовъ старинной постройки большею частью продолговатая, съ высокою крышею, покрытою тесомъ и отъ времени заросшею мхомъ и травою. Въ нихъ окна маленькія, прорубленные высоко, почти подъ самую крышею. Внутреннее расположеніе комнатъ произвольное. Во всякомъ случаѣ, изба, гдѣ живетъ семья и готовится кушанья, отдѣлена отъ горницы. Фасадъ такого дома выходитъ на дворъ или на улицу; передъ домомъ большое, высокое крыльцо, вродѣ галереи, обшитой кругомъ тесомъ съ тремя окнами безъ стеколъ. Иногда къ старому дому пристраивается въ длину другой домъ, и тогда все строеніе представляется въ видѣ длиннаго сарая, въ которомъ одна часть дома выше, другая ниже, такъ что, кажется, будто домъ повалился на одну сторону и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ. Двери въ домахъ низкія. Это — общая черта всѣхъ крестьянскихъ домовъ въ Сибири. Въ комнатахъ чистота и опрятность. Это — тоже черта, которою щеголяютъ сибиряки и которою не могутъ похвастаться великорусскіе крестьяне. Большія сквозныя сѣни раздѣляютъ избу отъ горницы. Обыкновенно окна горницы выходятъ на дворъ, а избы — на улицу. Въ рабочей избѣ, гдѣ постоянно живетъ семья крестьянина, два и большею частію три окна на улицу и два на дворъ; окна растворча-

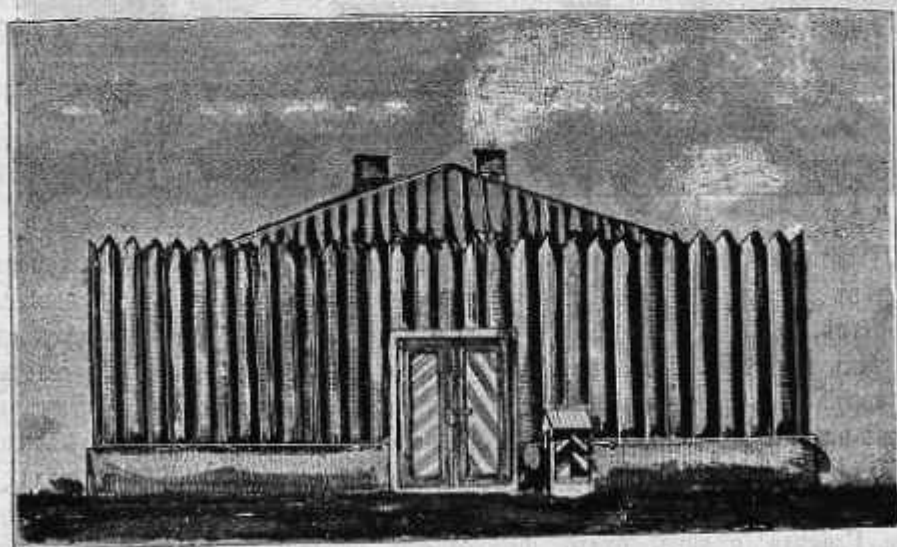
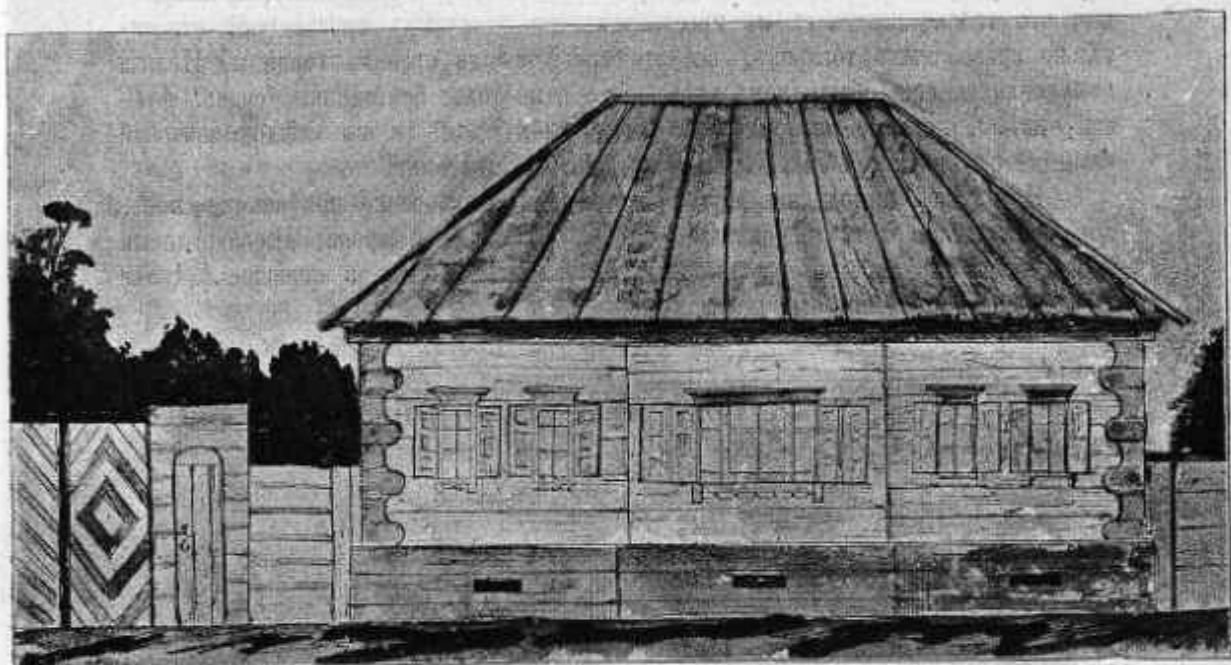
тия, стеклянная и —рѣдко—пузырная. У дверей съ лѣвой стороны большая печь, которая никогда не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Глина здѣшняя имѣетъ свойство очень скоро высыхать и современемъ становится несравненно тверже кирпича, такъ что печь стоитъ всегда дольше дома. Печь и стѣны отдѣляются занавѣской. Около двери между печью и стѣною, выходящей на дворъ, устроены палаты, гдѣ ситятъ ребятинки; кругомъ стѣны деревянныя лавки; посреди избы стоитъ продолговатый столъ, на которомъ семья обѣдаетъ, ужинаетъ и работаетъ. Въ углу, между стѣною, выходящею на улицу и на дворъ, обыкновенно висятъ образа. Стѣны бревенчатыя, не обшитыя тесомъ, и потому въ избѣ всегда мно-

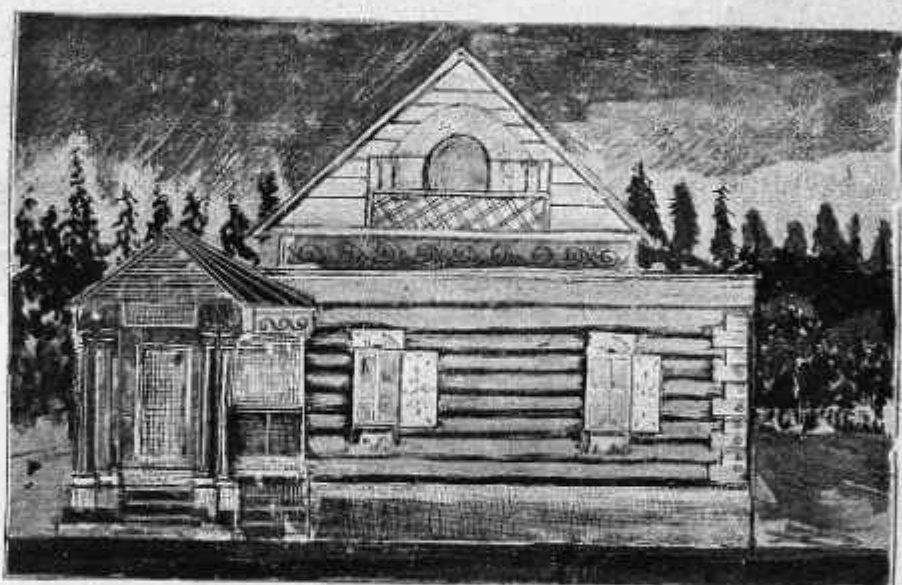
жество клоповъ и таракановъ. Полъ какъ въ избѣ, такъ и горницѣ изъ досокъ, который не только часто моютъ, но и скоблятъ ножами, и въ каждомъ крестьянскомъ домѣ чистота и опрятность безукоризненныя.

Горница есть обыкновенно комната, предназначенная для гостей, потому въ ней сидятъ рѣдко и только за недостаткомъ помѣщенія спать въ ней взрослая дочери. Горница раздѣлена деревянной перегородкой, за которою стоитъ русская или голандская печь. Украшеніе горницы составляютъ: большая двух-

спальная кровать съ ситцевой занавѣской, два или три стола и нѣсколько стульевъ крестьянской работы. Прибавьте къ тому чистоту пола и стѣнъ, на которыхъ приклеено безчисленное множество лубочныхъ картикъ, этикетокъ и адресовъ различныхъ московскихъ фабрикантовъ, модныхъ магазиновъ, словомъ, — все, что только попадаетъ къ крестьянамъ изъ печатныхъ произведений относительно привозимыхъ товаровъ, все это красуется по стѣнамъ горницы. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ украшеніи — о цвѣтахъ: бальзамины, ервань, фуксія — цвѣты, которые вы встрѣтите въ каждомъ домѣ и на каждой почтовой станціи. Сибиряки вообще большіе охотники до цвѣтовъ.

Изъ сѣней выходъ на другой дворъ, гдѣ обыкновенно помѣщается скотъ, домашняя птица; тутъ же складывается сѣно, солома и дрова. На переднемъ дворѣ устроены амбары и кладовыя, на заднемъ — саран и конюшни. Далѣе за сараями и хлѣвами огородъ и баня.

Нѣкоторые дома новой постройки имѣютъ такое же расположеніе комнатъ, какъ и въ домахъ старой постройки; различіе состоитъ только въ новѣйшей архитектурѣ, фасадѣ дома. Есть много и такихъ домовъ, которые какъ снаружи, такъ и внутри болѣе похожи на городскія строенія, чѣмъ на сельскія. Дома новой постройки бываютъ самой разнообразной архитектуры и своимъ наружнымъ видомъ часто напоминаютъ загородныя дачи. Въ Канскомъ округѣ подобные домики можно встрѣтить только въ большихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ почтовому тракту; въ Минусинскомъ же округѣ домовъ новой постройки множество. Главная и какъ будто необходимая принадлежность каждаго новаго дома это — большое венеціанское окно и рѣзьба на карнизахъ и окнахъ. Наружная форма этихъ домовъ болѣе квадратная съ низкими крышами. Впрочемъ, что касается архитектуры дома, то крестьяне не придерживаются никакихъ постоянныхъ правилъ и строятъ дома самой затѣливой и, можно сказать, фантастической архитектуры. Исполнители этихъ прекрасныхъ дачъ суть боль-

шею частию мастера, зашедшіе въ Сибирь для малевки церквей. Фасадъ дома новой постройки большею частию выходитъ на обширный дворъ, и такіе дома имѣютъ отъ 3 до 5 оконъ на улицу. Окна и карнизы украшены рѣзьбою, а иногда раскрашены яркими красками. Со двора большое глухое крыльцо ведетъ во внутреннее жилие. Стѣны или раздѣляютъ домъ на двѣ половинны или прямо съ крыльца входъ ведетъ въ переднюю и далѣе въ большія, свѣтлыя комнаты, которыхъ, смотря по состоянію крестьянина, бываетъ отъ 3 до 7: залъ, гостиная, небольшая комната въ родѣ буфета, спальня (она же жилая комната) и, наконецъ, изба, гдѣ приготавлиются кушанья. Стѣны обшиты тесомъ или опукатурены; окна большія, стеклянныя.

Квартирную мебель составляютъ: зеркала, стулья, диваны, столы ломберные, круглые и треугольные. Вся эта мебель, довольно хорошей работы, дѣлается изъ корня березы и открашивается подъ орѣхъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ вы найдете журналы и газеты (какъ, напр., изданіе Вольно-Экономическаго Общества, Земледѣльч. Газету, Москов. Вѣд. и др.). На окнахъ бываетъ разставлено много цвѣтовъ, по стѣнамъ развѣшаны разнообразныя картины, начиная отъ портрета Наполеона I, графа Платова, Мухамеда III и до самыхъ обыкновенныхъ суздальскихъ гравюръ и картинъ, изображающихъ эпизоды изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и даже романовъ «Вѣчнаго жида». Конечно, подобная роскошь допускается только въ домахъ богатыхъ крестьянъ и казачковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ: кафтанъ, куртка, шаровары и тулупъ овчинный. Въ мужскомъ платьѣ нѣтъ никакихъ особенностей сравнительно съ одеждою крестьянъ Европейской Россіи. Обыкновенное лѣтнее платье: ситцевая или холщевая рубашка, вѣсковые или плисовые шаровары, кунгурскіе сапоги или бродни, ситцевый или вѣсковый халатъ, кушакъ бумажный или шерстяной, а у богатыхъ шелковый; на головѣ картузь или какая-нибудь маленькая шапочка; въ рукахъ молодые парни всегда носятъ бумажные носовые платки и зеленныя замшевыя рукавицы. Старики одѣваются проще. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевой рубашки и такихъ же штановъ, азяма изъ верблюжьей шерсти или однорядки (изъ овечьей шерсти, въ родѣ пальто), бродней и поярковой шапки. Въ зимнее время мужской полъ вмѣсто халатовъ носитъ овчинныя или изъ черныхъ мерлушекъ тулупы; богатые тулупы покрываются толстымъ сукномъ, а у крестьянъ побѣднѣе поверхъ тулупа надѣвается азямъ изъ толстаго крестьянскаго сукна. Въ большіе морозы мужчины и женщины поверхъ тулупа надѣваютъ длинныя дахи изъ козьихъ, ланьихъ и собачьихъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью наружу. Кажется, ничего не можетъ быть теплѣе этого костюма, и потому все сибиряка, не исключая и высшаго класса, при отправленіи зимою въ дальнюю дорогу, запасаются дахою.

Въ шегольствѣ женщины превосходятъ мужчинъ. Обыкновенно женскій костюмъ состоитъ: изъ бѣлой холщевой или ситцевой рубашки, ситцевой юбки и душегрѣйки или коротенькой кофты; на головѣ повязывается у старухъ бумажный платокъ, у дѣвокъ бумажная или шелковая косынка и косы остаются выпущенными; на ногахъ у каждой женщины бываютъ надѣты бумажныя чулки и кожаные башмаки, привозимые изъ Европ. Россіи или изъ Красноярска. Молодыя дѣвицы очень занимаются своими нарядами; почти каждая изъ нихъ ста-

рается имѣть платье, сшитое по городской модѣ, одно, праздничное, шелковое или шерстяное, другое, буднее—ситцевое или бумажное. Плечи свои дѣвцы прикрываютъ шалью или шелковыми косынками, въ ушахъ онѣ подвѣшиваютъ серьги, если не золотыя, то серебряныя или бронзовыя, вызолоченныя. Нѣкоторыя дѣвушки-щеголихи носятъ даже салоны. Въ зимнее время женщины средняго состоянія одѣваются въ овчинныя тулупы, а женщины болѣе богатыя въ шубы изъ бѣличьяго или лисьяго мѣха съ большими откидными бѣличьими воротниками, для которыхъ выбираютъ самую черную бѣлку. Нѣкоторыя крестьянки, въ особенности казачки, носятъ воротники у своихъ шубъ лисьи и даже собольи. Шубы покрываются панкою или китайкою, а богатыя женщины обыкновенно покрываютъ ихъ сапеею шерстяною или шелковою матеріею.

Изъ этого описанія одежды можно видѣть, что костюмъ здѣшнихъ крестьянъ—скорѣе похожъ на костюмъ мѣщанъ Европейской Россіи, чѣмъ на одежду ея крестьянъ.

Здѣшніе жители вообще, любятъ поѣсть если не всегда хорошо, то крайней мѣрѣ жирно и плотно. Крестьяне Минусинскаго округа не употребляютъ другого хлѣба кромѣ пшеничнаго. Каждое воскресенье и въ праздники пекутся здѣсь пироги, колачки, ватрушки (здѣсь называемыя шаньги), слобныя булочки и т. п. Все это мучное страше носятъ здѣсь названіе «мягкіе». Мясо ѣдятъ почти каждый день за исключеніемъ постовъ. Изъ мяса болѣе всего въ употребленіи здѣсь баранина и воловье; осенью и зимою ѣдятъ мясо соленое или дикихъ козъ и тетерева. Необходимая принадлежность каждаго хорошаго обѣда студень или вареные языки (которые ѣдятъ съ уксусомъ и горчицею), блинчики съ масломъ и вафли (онѣ подаются гостямъ и къ чаю). Нескучное и разнообразное и кушанье постное: рѣдька, рѣпа, капуста квашенная, соленые грибы и огурцы, свѣжая и сушеная рыба, изъ которой приготавливаютъ похлебку, постныя щи, каша и др. Необходимая принадлежность постнаго стола—рѣдька съ квасомъ и крошеной капустой; затѣмъ уже подаются щи и ячменная каша съ постнымъ масломъ. Вообще можно сказать, сибирячки не умѣютъ готовить вкусныхъ блюдъ: щи жирныя, жаркое пережаренное, соусы всегда съ яюмомъ или сахаромъ,—словомъ, все жирно и сладко—до приторности. Чтобы познакомиться читателя съ здѣшнею кухнею, я приведу описаніе обѣда, даннаго однимъ изъ крестьянъ Минусинскаго округа по случаю храмоваго праздника. Обѣдъ этотъ записанъ въ донесеніяхъ волостнаго правленія и найденъ мною въ архивѣ Минусинскаго земскаго суда.

Большой деревянный столъ, крестьянской работы, былъ покрытъ бѣлою тонкою скатертью; на столѣ стояли кружки съ квасомъ и пивомъ, ложки деревянныя, серебряныя и оловячныя были разложены воалѣ каждаго прибора; посуда была фарфоровая, глиняная и стекляная. Вотъ стали сходитьсь гости; каждый, вошедшій въ горницу, остававливался у порога, чинилъ крестное знамя и кланялся низко всѣмъ присутствующимъ; потомъ подходилъ къ хозяину и хозяйкѣ дома и поздравлялъ ихъ съ праздникомъ. Начался обѣдъ. Прежде всего поданы были холодныя кушанья четырехъ сортовъ: одно было изъ свиного окорока, другое заливное (или студень) изъ «скотскихъ» ногъ, третье заливное изъ овечьихъ ушей и губъ и четвертое—вареные языки. Эти кушанья ѣли съ уксусомъ и горчицею. Послѣ холоднаго подавались похлебки трехъ сортовъ: одна изъ свѣжей баранины, другая съ «скотскими» рубцами и третья

изъ курицы. За похлебками или супами, подавали жаркое пяти сортовъ: жареная баранина, свѣжая свинина, жареная курица на коровьемъ маслѣ съ картофелемъ, поросенокъ и смолость (коровье вымя). Къ жаркому подавались соленые огурцы и кислая капуста. Въ заключеніе обѣда, вмѣсто десерта, подавали творогъ съ сахаромъ и по стакану молока каждому.

Послѣ обѣда выступилъ на сцену самоваръ и пошло угощеніе чаемъ, пивомъ, водкою и винограднымъ виномъ. Достоинно замѣчанія, что пріѣзжимъ гостямъ, въ особенности женскому полу, изъ города и другихъ деревень, первую чашку чая подавали безъ сахару и гостя пила чай «черезъ сахаръ» (въ прикуску). За чаемъ приносили на подносѣ женщинамъ—по рюмкѣ винограднаго вина, а мужчинамъ—по рюмкѣ водки; затѣмъ снова подавали чай, но уже съ сахаромъ «въ накладку». Чай здѣсь пьютъ «фамильный» съ бѣлымъ сахаромъ (въ 50 коп. фунтъ)¹. Впрочемъ, крестьяне въ Минусинскомъ округѣ чай пьютъ только въ праздничные дни. Чай подается въ фарфоровыхъ, привозныхъ изъ Россіи, чашкахъ. Посуда фарфоровая, оловянная и деревянная; ложки только въ зажиточныхъ домахъ серебряныя, а въ остальныхъ оловянныя и деревянные. На описанномъ обѣдѣ присутствовали: приходскій священникъ съ семействомъ и церковнымъ причтомъ, волостной писарь, волостной голова, старшина, два кандидата по старшинѣ, цѣловальникъ и крестьяне мѣстные и пріѣзжіе съ ихъ женами и дочерьми. Пиршество началось съ 10 ч. утра, т. е. послѣ обѣдни и молебна. Послѣ обѣда священно-и церковно-служители, не выходя изъ-за стола, по принятому обычаю, пѣли божественныя пѣсни и, затѣмъ, съ своими женами и дочерьми дѣлали визиты болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Между тѣмъ народъ веселился и кутилъ уже на распаху. Таковая гулянка, заканчивается писарь въ своемъ донесеніи, продолжалась шесть дней, пока все заготовленное бабами не было съѣдено и выпито.

Въ будни иная картина народной жизни.

Въ каждомъ большомъ селѣ, въ особенности гдѣ находится земское начальство, два предмета обращаютъ на себя вниманіе путешественника: волостное правленіе (или, гдѣ его нѣтъ, канцелярія сельскаго писаря) и питейный домъ. Тутъ вы всегда можете встрѣтить, кромѣ десятскаго и старшины, двухъ-трехъ крестьянъ, нѣсколькихъ поселенцевъ. Народъ этотъ, съ дѣломъ или безъ дѣла, сидитъ на прилавкѣ возлѣ кабака или въ сѣняхъ волостнаго правленія. Сюда заходитъ мужичекъ потолковать о своемъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, рассказать деревенскія новости и, какъ водится, въ концѣ концовъ, заглянуть въ кабакъ и залить горе сельскихъ тревоженій осьмушкою вина, разумѣется, въ кредитъ и очень рѣдко на чистыя деньги. Остальная часть деревни въ будній день находится, не скажу въ мертвомъ, а въ какомъ-то невыносимомъ спокойствіи, наводящемъ на заѣзжаго непреодолимую скуку. Мирные сельскіе жители—одни заняты на работахъ въ полѣ, другіе за работой въ избѣ, третіе, забравшись куда-нибудь на сѣноваль, спать беззаботно, ничуть не дорожа временемъ. Еще въ лѣтнее время крестьянинъ занятъ полевыми работами, но приходитъ зима, долгая сибирская зима, и онъ не знаетъ, что сдѣлать, куда дѣвать себя и какъ убить длинные вечера?

¹ Въ Иркутской же губерніи крестьяне пьютъ преимущественно кирпичный чай и употребляемый здѣсь сахаръ—китайскій леденецъ.

Хозяинъ, у котораго я остановился, старикъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, такъ еще бодръ и здоровъ, что на видъ нельзя было дать ему болѣе 40 лѣтъ. Это общая черта всѣхъ сибиряковъ: крестьяне доживаютъ до глубокой старости и кажутся чрезвычайно молодыми. Семейство старика состояло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей; оба сына женаты, двѣ дочери замужемъ и одна еще дѣвица. Сыновья съ женами живутъ вмѣстѣ въ домѣ родителя; хозяйство у нихъ общее. Съ разсвѣтомъ все семейство подымается на ноги: мужчины выходятъ посмотреть на дворъ по домашнему хозяйству, напоить скотъ, задать кормъ; а женщины, пока, разогрѣваютъ завтракъ изъ остатковъ вчерашняго ужина. Въ 7 ч. всѣ садятся за столъ, завтракаютъ и отправляются на работы зачастую очень поздно, и такъ какъ пашни отстоятъ отъ деревни на 10 и 14 верстъ, то приходятъ на мѣсто уже тогда, когда солнце поднялось высоко на горизонтѣ и въ воздухѣ носится множество оводовъ и мошекъ, сильно утомляющихъ людей и рабочій скотъ. Оставшіеся дома въ 10 ч. обѣдаютъ и посылаютъ обѣдъ отправившимся на работу. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ мясомъ, каши, иногда рыбной похлебки и молока. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣшній крестьянинъ чаще ѣстъ мясо, чѣмъ великорусскіе крестьяне. Мясо употребляется здѣсь болѣею частью соленое, потому что собственный скотъ бьютъ рѣдко, ибо дожидаются случая, не найдутся ли охотники до покупки его. Мясо убитыхъ быковъ солятъ и готовятъ, такимъ образомъ, запасъ на цѣлую зиму. Дороговизна нѣкоторыхъ сѣстныхъ припасовъ заставляетъ здѣшнихъ жителей дѣлать въ извѣстное лѣтнее и, притомъ, дешевое время, годовой запасъ многихъ изъ сѣстныхъ припасовъ; иначе, можно остаться безъ мяса или безъ крупы, потому что базаровъ не бываетъ и купить не у кого.

Послѣ обѣда хозяйка спѣшитъ вымыть посуду, раскладываетъ ее на полкахъ и, затѣмъ, всѣ отъ мала до велика ложатся спать. Въ эту пору въ деревнѣ на улицахъ пусто, нигдѣ не видно ни живой души; даже собаки прячутся подъ амбары въ самыя темныя мѣста, потому что въ лѣтнее время отъ 11—3 ч. бываетъ жара не выносимая. Въ 3 ч. по полудни просыпаются; нѣкоторые пьютъ чай, другіе принимаются за какую-нибудь работу; такъ время проходитъ до заката солнца. Когда жара спадетъ и воздухъ сдѣлается прохладнѣе, окна въ домахъ растворяются, многіе выходятъ на улицу посидѣть у воротъ и потодковать съ сосѣдями. Наконецъ, разводится въ печкѣ огонь и готовится ужинъ. Послѣ ужина въ 9 ч. всѣ снова ложатся спать.

Такъ оканчивается будній день, такъ начинается другой, третій, проходить годъ и всѣ дни почти похожи другъ на друга. Вообще замѣчено, что трудъ усиленный, какъ говорится, въ потѣ лица, не свойственъ сибирякамъ, въ особенности женскому полу. Еще лѣтомъ, всѣ, за исключеніемъ престарѣлыхъ, отправляются на полевые работы, гдѣ живутъ по цѣлымъ недѣлямъ, возвращаясь домой только въ праздники. Но зимою женщины и мужчинамъ такъ мало занимаютъ руководѣльями, что совершенно отвыкаютъ отъ этихъ работъ, и потому большая часть домашнихъ вещей покупаются у торговцевъ.

Но вотъ приходитъ праздничный день. За нѣсколько дней до него хозяйки уже готовятъ пиво, пекутъ хлѣбы, пироги, жарятъ окорока и проч., въ домахъ начинается мойка и скобленіе половъ, стѣвъ,—словомъ, праздники

даютъ здѣсь какое-то особенное оживленіе и дѣятельность народу, отъ природы тяжелому на подъемъ и безпечному.

Вмѣсто обычныхъ въ другихъ мѣстахъ ярмарокъ существуютъ здѣсь сѣзкіе праздники въ дни Св. Петра и Павла, пророка Ильи, Іоанна Предтечи, Успенья и др. годовые праздники: Рождество Хр., Пасха, Новый годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то, такъ называемые, храмовые праздники и святочные дни крестьяне собираются въ одно село или деревню, и гулянкамъ не бываетъ конца.

Домашняя жизнь здѣшнихъ крестьянъ представляетъ много утѣшительныхъ сторонъ. Народъ живетъ въ довольствѣ, бѣдности почти не знаетъ. Если и встрѣчаются нищія, то лишь между селыно-поселенцами или людьми, продолжающими бродяжническую жизнь. У крестьянина нѣтъ большихъ экономическихъ заботъ, и потому, когда приходитъ праздникъ, народъ, при всемъ своемъ флегматическомъ характерѣ, предается веселію, разумѣется, по своему: «праздновать, такъ праздновать!» обыкновенно оправдывается въ такихъ случаяхъ мужикъ.

Вотъ одинъ изъ деревенскихъ храмовыхъ праздниковъ и забавы крестьянъ въ святочные дни, заимствованныя изъ архива Минусинскаго земскаго суда.

Мы приближались къ большому селу Ирбейскому (въ Канскомъ округѣ). Утро было жаркое и палящія солнечные лучи обѣщали день знойный, удушливый. Тройка «обывательскихъ» несла насъ берегомъ внизъ по теченію р. Кана. Время было сѣнокосное, но въ воздухѣ не было слышно благоуханія травъ; въ окрестности не попадались сплошно засеянные хлѣбомъ поля, на которыхъ бы волны золотистыхъ колосьевъ терялись въ отдаленности. Пашни раскинуты клочками; въ промежуткахъ сѣнокосные луга или привольно растущая высокая трава, негодная ни для какого употребленія. На поляхъ не видно живой души: день праздничный, и народъ былъ весь въ деревнѣ. Едва мы подъѣхали къ с. Ирбейскому, какъ услышали разносившійся въ воздухѣ протяжный звукъ колокола. Народъ сбѣжалъ въ церковь къ обѣднѣ. Мы проѣхали большую улицу, по сторонамъ которой то тянулись прямою линією опрятные съ тесовыми крышами крестьянскіе домики, то видѣлись, разбросанныя въ безпорядкѣ, небольшія избушки. Пока звукъ колокола призывалъ мирныхъ поселянъ къ молитвѣ, возлѣ кабака и передъ нимъ на площади уже толпилось много крестьянъ, мѣщанъ и мелочныхъ торговцевъ, пріѣхавшихъ, одни — повеселиться на праздникъ, другіе — для закупки хлѣба, скота и для продажи крестьянскихъ произведеній.

Обѣдня кончилась, и народъ разсыпался по улицамъ: кто остановился у кабака, кто тащилъ пріятеля къ себѣ въ домъ «откушать хлѣбъ-соль и похлѣбать щей». Наконецъ, появился священникъ со всемъ своимъ семействомъ и церковнымъ причтомъ. Здѣшніе жители всегда отдають духовнымъ лицамъ предпочтеніе, сажаютъ ихъ за столъ на первое мѣсто, усердно угощаютъ и, сверхъ того, дарятъ ихъ хлѣбомъ, вареньями, масломъ, яйцами, холстомъ, нитками и проч. Это ужъ такой обычай, и крестьяне свои подарки—кто что можетъ—раздаютъ каждому члену причта особо. Послѣ обѣда рѣдко кто изъ сельскаго люда сидитъ въ избѣ: все высыпаетъ на улицу или сядетъ гдѣ-нибудь въ

тѣни, дожидаясь, пока не спадетъ жара. Старики и старушки обыкновенно забираются куда-нибудь въ спокойный уголокъ своего жилья и тутъ, поставивъ ведро пива, бесѣдуютъ и пьютъ. Молодые парни прежде всего отдають долгъ питейному дому и уже подь вечеръ расхаживаютъ по улицамъ. Молодыя дѣвицы собираются въ какой-нибудь домъ и тамъ поютъ, дурачатся, играютъ въ фанты, въ ящеръ, въ горѣлки и разныя другія игры. Иногда къ нимъ присоединяются мужчины, но до вечера дѣвушки строги въ обращеніи съ ними и при входѣ молодого паря сидятъ чинно, лишь по временамъ нашептывая что-то другъ дружкѣ на ухо. Вообще скрытность, притворство и насмѣшливость—общая черта сельскаго прекраснаго пола. Къ вечеру дѣвицы становятся снисходительнѣе, любезнѣе, и поцѣлуй раздаются щедро.

Солнце начало склоняться къ горизонту; по р. Кану уже сталъ подыматься туманъ, который, клубами качаясь по островкамъ, разносился синеватою пеленой между хребтами горъ противоположнаго берега, подымался вверхъ и придавалъ торчащимъ вдали соскамъ и обгорѣлымъ соснамъ какія-то фантастическія и самыя прихотливыя формы. Настало время, когда народъ обыкновенно показывается на улицѣ: всѣ гости, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу. Справляющіе праздникъ, уже хорошо подкутивши, поютъ, кричатъ, заходятъ въ крестьянскіе дома, въ которыхъ хозяевами ихъ весьма радушно принимаются и угощаются виномъ и пивомъ. Между тѣмъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, сидятъ смирно въ сѣняхъ и дожидаются гостей. Молодые парни, разодѣтые въ плисовые куртки и красныя ситцевыя рубашки, двигаются толпой по улицѣ и гдѣ собралось больше дѣвицъ, тамъ останавливаются. Дѣвицы будто бы не замѣчаютъ парней. Вдругъ забренчала балалайка, загудѣла гармоника, зашѣвало затянуть пѣсню, и хоръ мужскихъ голосовъ подхватилъ заунывную пѣсню. Дѣвушки, когда поютъ «молодцы», выходятъ на улицу гурьбой, за ними идутъ мужчины. Деревня оглушается шумнымъ говоромъ и громкими пѣснями.

Сибирскій историкъ Словцовъ называетъ Сибирь «страною безголосною». И дѣйствительно, несмотря на звучные и прекрасные голоса ея обитателей въ пѣсняхъ замѣтно какое-то уныніе, тоска. Здѣсь вы рѣдко услышите веселую, разгульную пѣсню, въ которой почти всегда проявляется внутренняя сторона жизни народа. И потому здѣшнія пѣсни и забавы лишены жизненности и той заразительной веселости, какая столь свойственна молодежи. Мнѣ не случалось здѣсь видѣть деревенскіе танцы на открытомъ воздухѣ; танцуютъ на «вечеркахъ» только русскій танецъ, но безъ всякой граціи, чрезвычайно не ловко. Въ Европ. Россіи, въ особенности въ Малороссіи, праздникъ безъ танцевъ—не праздникъ. Въ каждый воскресный и праздничный день народъ собирается передъ корчмою; тутъ обыкновенно сидятъ слѣпой скрипачъ, бандуристъ или кто-нибудь играетъ на гудкѣ. И молодежь пляшетъ весело съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ. Въ Сибири же я не встрѣчалъ народныхъ музыкантовъ; нѣтъ здѣсь ни волынки, ни гудка, ни свирели. Если и попадаются музыканты, то большею частію изъ поселенцевъ. Притомъ, звуки музыки раздаются только на свадьбѣ. Въ здѣшней деревнѣ гармоника и балалайка—единственные народные музыкальные инструменты.

Волнушаясь въ голоса хоровода, долетавшіе до меня какими-то заунывными и жалобными стопами, я погрузился въ раздумье: чему приписать эту внутреннюю печаль души здѣшняго крестьянина. Беззаботный и склонный къ разгульной жизни, въ пѣсняхъ своихъ этотъ житель Сѣвера таитъ какой-то отголосокъ печали, отражающій внутреннія впечатлѣнія души. Народныхъ, собственно сибирскихъ пѣсень здѣсь не существуетъ; если же встрѣчаются пѣсни съ мѣстнымъ содержаніемъ, то онѣ сочинены завѣскими великоруссами. Здѣшній поселеникъ, когда поетъ даже веселыя великорусскія пѣсни, придаетъ имъ какой-то особенно протяжный, плачевный нагѣвъ. Жалоба ли эта на суровость климата, холодность и блѣдность здѣшняго неба, или на сибирскую природу хотя вообще величественную, но дикую, мрачную, скудную относительно цвѣтовъ и плодовъ? Гдѣ болѣе искать разгадки этой тайной скорби, если не въ противоположности характера здѣшняго жителя съ окружающею его угрюмою природою? Душа здѣшняго поселеника хотѣла бы выразить чувства радости и излить его въ веселой пѣснѣ, но грозный видъ окружающей его картины наводитъ на него какое-то мечтательное, неопредѣленно печальное настроеніе, и звуки веселой пѣсни и движеніе веселаго настроенія духа замираютъ въ устахъ сѣвернаго пѣвца. Соціальное положеніе здѣшняго крестьянина самое беззаботное: онъ независимъ, не терпитъ нищеты, безропотно покорный, гостеприменъ, но взглядъ его на окружающій его міръ суровъ. И если чувства крестьянина, несмотря на матерьяльное его довольство, выражаются печально, то такое меланхолическое настроеніе, конечно, имѣло немалое вліяніе на органъ выраженія его чувствъ—на голосъ: онъ тихъ и пріятенъ для слуха, но тонами своими заставляетъ слушателя сочувствовать этому смиренному ропоту души и потому наводитъ и на него уныніе, тоску. Нѣтъ у здѣшняго народа и веселыхъ игръ, забавъ; онъ какъ будто все груститъ о чемъ-то потерянномъ, но для него самого неизъяснимомъ, и только выражаетъ свою скорбь, въ заунывной пѣснѣ.

Святочныя забавы начинаются повсемѣстно съ Новаго года, т. е. съ 1-го по 7-го января. День проходитъ въ занятіяхъ, а вечера посвящаются разнымъ забавамъ. Старики со старухами уходятъ къ подобнымъ себѣ въ гости на вечера. Молодые парни съ дѣвками расхаживаютъ по улицамъ и поютъ такъ называемыя святочныя пѣсни подъ звуки гармоника и балалайки. Потомъ разбиваются на партіи: дѣвцы собираются въ домъ къ одной изъ своихъ подругъ, а мужчины продолжаютъ гулять или отправляются куда-нибудь на «вечерку». Въ святочные вечера, въ каждомъ домѣ пьютъ чай, вино, щелкаютъ кедровыя орѣшки. Столъ уставляется закусками и напитками. «Закуска», состоящая изъ изюма, пряниковъ, урюку и кедровыхъ орѣховъ, ставятся здѣсь только для женскаго пола; для мужчинъ подаютъ вино и чай. На такихъ вечеркахъ старики разговариваютъ про давно прошедшее, вспоминаютъ старину и попииваютъ вино; дѣвушки гадаютъ, щелкаютъ орѣшки и поютъ пѣсни. Наконецъ, когда вино придаетъ старикамъ болѣе веселья, начинаютъ «бать» народныя сказки, побасенки, загадки и т. п. Въ избѣ царствуетъ глубская тишина—все съ величайшимъ любопытствомъ слушаютъ рассказчика. Вдругъ разговоръ перебивается звуками гармоника, слышной на улицѣ. Гости приподнимаются съ своихъ мѣстъ, заглядываютъ въ окна, гдѣ раздалась музыка. Въ это время

человѣкъ 15 замаскированныхъ въ разные костюмы уже успѣли войти въ горницу и начали пѣть и плясать подъ звуки гармоника. Кончивъ одну пляску, замаскированные садятся по разнымъ угламъ и разговариваютъ между собою. Хозяинъ дома угощаетъ ихъ разными закусками; но замаскированные большею частію отказываются, вынимаютъ изъ своихъ кармановъ кедровые орѣшки, такъ называемые здѣсь «разговорцами», щелкаютъ ихъ и продолжаютъ между собою говорить. Старики восхищаются ихъ «умнымъ рѣчамъ», подходятъ къ каждому изъ замаскированныхъ, глядятъ имъ въ глаза, чтобы узнать, кто они; узнавъ, просятъ знакомыхъ пѣть. Старики, старухи, дѣвцы и замаскированные становятся въ кружокъ и начинаютъ пѣть хороводную пѣсню и плясать подъ ея звуки, притаптывая ногами и припѣвая: «Куда ты, моя молодость, дѣвалась»... Такъ забавы продолжаются, наконецъ, маскированные уходятъ въ другой домъ и, такимъ образомъ, шатаются до самой полуночи.

Маскированныхъ партій, случается, бываетъ нѣсколько въ одномъ селеніи. Молодые дѣвцы переодѣваются въ мужскія платья, а парни въ женскія; а то наряжаются евреями, цыганами, приказчиками, ссыльно-каторжными, бродягами, и т. д.

Святочныя хороводныя пѣсни.

I.

Чернобрювая моя,
Черноглазая моя,
Со вечера по пороши,
А къ утру бѣлый снѣгъ.
Чернобрювая моя, { Повторяется
Черноглазая моя! { послѣ каждой
строфы.
По этой по порошокъ
Лежать два слѣдка,
Оба чистенькіе,
Оба гладинькіе.
Первый слѣдокъ —
На царевъ кабачекъ,
А второй слѣдокъ —
Милый къ милушкѣ ушелъ.
Милый къ милушкѣ ушелъ
И два монетчика унесъ
И два червонца золотыхъ.
Дѣвка дары не принимаетъ,
Парня къ черту посылаетъ.
Парень, парень, поди къ черту
На часокъ, на другой
Не путемъ — горой матушкой, горой.
Ахъ ты, матушка, моя гора

Доведи до двора,
До осинова бревна,
Тамъ горенка нова.
Вновь ставленная
Печь муравленная,
Въ горенкѣ во новой
Стоитъ столъ дубовой.
Ножки точенныя
Позолоченныя.
За столомъ сидятъ Иванъ,
Во златы гусли играетъ,
Душу Грушу утѣшаетъ.

II.

Летѣлъ, полетѣлъ
Соколъ изъ-за горъ,
Вдѣтъ, поѣдетъ
Косьма на конѣ.
Шапочка смѣется,
Рукавички говорятъ
И жениться велеть.
Конь ко двору приворачиваетъ,
Конь къ широкому приворачиваетъ,
Косьма Борисовичъ про сужену спра-
шиваетъ:

Дома ли не дома моя суженая,
Дома ли не дома моя ряженая?
Меланья Герасимовна дома спить,
Не будите вы её;
На вечерочкѣ сидить,
Не ходите по неё.
Я самъ схожу и самъ приведу,

Поцѣлую, обойму.
Пѣсни край—
Поцѣлуй дѣвка отдай;
Пѣсень неуста—
Поцѣлуй до трое въ уста;
Пѣсни конецъ—
Поцѣлуй ты, молодецъ!

Мужчины и дѣвицы пляшутъ, взявшись за руки; по окончаніи пляски, цѣлуютъ другъ друга.

Становятся съ одной стороны три дѣвицы, съ другой, противъ нихъ, три парня. Дѣвицы, взявшись за руки, вмѣстѣ подходятъ къ мужчинамъ и начинаютъ пѣть:

Бояра, зачѣмъ пришли,
Зачѣмъ прѣхали?

(Мужчины отвѣчаютъ)

Княжinya, да мы невѣсть пришли
смотреть.

Бояра, у насъ невѣсть пѣть,
Молодыя, да и невыросли.

Княжinya, да право, выросли!

Бояра, покажите жениха.

Княжinya, вотъ изволь смотреть:

Вось женишекъ, а вось хорошенькой.

Бояра, да покажите халаты княжя.

Изволь смотреть: вось хорошенькой.

Бояра, покажите кушаки.

Изволь смотреть: вось хорошенькой.

Бояра, покажите сапоги.

Изволь смотреть: вось хорошенькіе.

Бояра, покажите картузы.

Княжinya, да у сударушки забылъ
На подушечкѣ.

Бояра, покажите перчаточки.

Жена будетъ, сама свяжетъ.

Бояра, вамъ которая любя?

Намъ Харитinya Ивановна хороша!

Бояра, отворяйте ворота!

Тутъ рядъ мужчинъ расходится на одну и другую сторону; съ другой стороны одна изъ дѣвицъ выходитъ и бросается въ разомкнутый рядъ мужчинъ; ее подхватываютъ, и тотъ, кто былъ избранъ женихомъ, обнимаетъ и цѣлуетъ её.

Вообще, поцѣлуй играютъ первую роль во всѣхъ забавахъ сибиряковъ. Пляска, по которой пѣли пѣсню: «Бояра, зачѣмъ пришли?» называется шестёрка и, смотря по числу лицъ, участвующихъ въ пляскѣ, называется: осьмерка, четверка. Въ пляскѣ этой безпрестанно летаютъ поцѣлуи.

Кромѣ святочныхъ и храмовыхъ праздниковъ еще дѣлаются «вечёрки» и бывають вечера капустные. Вечерки заказываютъ молодые парни одному изъ крестьянъ и угощаютъ на свой счетъ. Капустка бываетъ осенью, когда солить капусту. Въ это время собираются дѣвицы рубить капусту, при чемъ поютъ пѣсни, къ нимъ приходятъ парни и, по окончаніи работы, всѣ расхаживаютъ по

улицъ и поютъ хоромъ пѣсни. Сибирскія общенародныя пѣсни—тѣ же, что и во всей Россіи. Собственно сибирскихъ пѣсень нѣтъ. Напѣвъ пѣсень большую частью заунывный. Впрочемъ, вотъ нѣсколько пѣсень, которыя удалось мнѣ здѣсь собрать.

I. (Пѣсня заунывная).

Сказали про молодца, будто не живъ,
не здоровъ и безъ вѣсти провалъ.
Вечеръ добрый молодецъ изъ дороженьки
пришелъ,
И вдоль по улицѣ пошелъ.
Свою любезную пѣсенку
На свисточкѣ просвисталъ;
Свищетъ и гаркаетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ,
Чтобъ его любезная
Не дремала и не спала, не гасила бы
огня,
Ждала бы дождалась удалаго молодца.
— Что ты, мой любезный, долго въ
гости не бывалъ?
— За тѣмъ, за сѣмъ промышкалъ —
Въ дому со худой, со женушкой побра-
нюшечка была:
Журила, бранила удалаго молодца,
И тебя душу, красну дѣвицу.
— Я тебѣ, добрый молодецъ,
Говаривала прежде:
Убей ты, убей свою жену!
Ахъ, ты глуца, красна дѣвица,
Неразумна твоя рѣчь!
Мнѣ со красной-дѣвкой
Одну вочку почевать,
А со худой со женушкой
Надо вѣкъ вѣковать!

II. (Протяжная).

Какъ на дубчикѣ сидятъ два голубчика,
А на поволокъ сидятъ двѣ голубки;
Они пили и ѣли
И сами про себя ворковали.
Онѣ и всѣ врозь полетѣли,

И сѣдлись онѣ на быструю рѣчку,
По край березничку,
На желтой песочокъ
И на зеленъ лужечекъ
И промежду-то собой рѣчи говорили:
Ахъ, какъ тошно на свѣтѣ,
Кто кого любитъ,
А тошнѣ того любитъ,
Вдругъ да и покинуть!
Покинулъ меня милый, меня не на
долго,
Ненадолго-то время, меня на часо-
чекъ,
А часочекъ-то покажется ровно за
денечекъ.
Отъѣзжаетъ-то мой милый въ путь,-
дороженьку
И меня покидаетъ, покидаетъ,
Оставляетъ бѣдную сиротинку,
Несчастную, горемышную!

III. (Заунывная).

Гдѣ ты, мое горе великое,
Никому мое горе неизвестное!
Хоть извѣстно,
Но никому не соболѣзно.
Прикрыто мое горе бѣлой грулью,
Призаплаканы очи мои ясныя слезами,
Запечатаны уста мои кровями.
Ахъ, задумалъ мой другъ любезный
Во путь, во дороженьку,
Въ тою же дороженьку—въ дальнюю
Сибирску,
Въ городъ Минусинской.
Приказывалъ другъ любезной прика-
занья:

Ты живить-ко, моя милая, посмирнѣ,
 Посмирнѣ и поумнѣ;
 Ты люби, моя любезная, кого хочешь;
 Если лучше ты меня найдешь,
 То меня позабудешь,
 А если хуже меня найдешь—
 Меня вспоминешь.
 Вспоманешь меня, чернобрива,
 Сама заплачешь,
 И стоскуешься, моя любезная!
 Пиши ко мнѣ письма,
 Не перомъ пиши,
 Не чернилами ты пиши, любезная,
 Горючими слезами!
 Отошли, моя милая, со друзьями,
 Со тѣми же со друзьями.
 Со буйными вѣтрами.
 Друзья письма не довозятъ,
 Вихры писемъ не доносятъ...

IV. (Печальная).

Отлетаетъ мой соколъ изъ моихъ очей,
 Изъ глазъ отъѣзжаетъ другъ любезной
 Въ чужи дальни города
 И дальни незнакомы—
 Во славный градъ Петербургъ.
 Не мало слѣзъ ронила
 По любезномъ по своемъ,
 Въ слезахъ дружка просила
 Хоть немножко поживи,
 Хоть немного и маненько
 Одинъ годичекъ со мной!
 Всѣ люди знаютъ, не совѣтуютъ
 Любить меня, Катюшу,
 Велятъ бросить, позабыть
 Я въ та-пѣри забуду,
 Когда скроются глаза,
 Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ
 Мнѣ лице закроютъ
 И съ горъ желтымъ пескомъ
 Меня загребутъ.
 Обрости, моя могила,
 Всякими разными цвѣтами,
 Обложите мою могилу

Плитами вокругъ;
 Я на камнѣ нарисую
 На бумажкѣ напишу,
 Я кумушкамъ, подруженькамъ
 Словечко разскажу:
 Ахъ, вы, кумушки-подруженьки,
 Не живите-ко, какъ я жила,
 Не влюбляйтесь въ молодца.
 Отъ этой-то любви
 Зарождается тоска,
 Отъ нее-то немочна болѣзнь,
 А отъ немочи приключается намъ
 смерть.

V (Веселая и протяжная).

Вечеръ добрый молодець
 Запилъ, загулялъ,
 Со душенькой, красной дѣвицей
 Рѣчьми занимался:
 — Скажи, душечка, красна дѣвица,
 Ахъ, дѣ красна дѣвица
 Скажи, кого любишь, охъ?!
 Кого любишь, одного ли меня
 Добра молодца сушишь и крутишь,
 Охъ, сушишь и крутишь!
 На то дѣвица ничто не сказала,
 Отъ квартирушки вовсе отказала,
 Ахъ, да! отказала.
 Да ты отстань, добрый молодець,
 И отстань по любви,
 Охъ, да! по любви.
 Не отстанешь по любви,
 Ахъ, да! по любви,
 Отстань по неволѣ,
 Охъ, да! по неволѣ!
 Совсѣмъ-то добрый молодець,
 Совсѣмъ собрался,
 Охъ, собрался и со всѣми простился,
 Охъ, простился!
 Съ одной дѣвицей,
 Съ одной красавицей,
 Охъ, съ нею не простился!
 Подъ куткое, подъ окошко
 Мальчикъ остановился,

Охъ, да! остановился.
Въ кутко окошко и въ стѣнку
Мальчикъ колотился!
Охъ, колотился.
Пусти, пусти, дѣвица,
Пусти, раскрасавица,
Пусти постояти!
А не пустишь постояти,
Пусти ночку почесати,
Охъ, да! почесати.
Никто не далъ ни отвѣту,
Никто ни привѣту,
Ахъ, ни привѣту,
И ни ласковыхъ словъ!
Съ тѣмъ молодецъ заплакалъ!
Вдохнулъ да ушелъ!

VI (Веселая).

По Чулымъ по рѣкѣ
Плыветъ казакъ на быкѣ,
И бережка трещать,
Равно достушки пищать.
У Радіонова двора
Упечатали быка.
Стали быка по частямъ дѣлить:
Радіову за труды
Три корыта руды;
А маіору кожу
На широку его рожу;
Черепаникъ скотинныя серѣдки,
У ней дѣтушки сиротки;
Зуеву ребро —
Онъ ходитъ храбро;
Шувалову копытцы,
У него семья прочитя;
Осипу почки,
У него красивыя дочки;
А Трофиму уже кстать
Вычій хвостикъ отдать;
Степану лопатка
За то, что у него гладка;
Остальное сдать вастуху
Чтобъ унять его комуху.

VII.

Заводила Акулина
Хлѣбцы мякинькіе.
Хани-лену, хани-лену, } Повторается
Хлѣбцы мякинькіе! } послѣ каждой
Заводила на дрожжахъ, } строфы.
Не вдержала и на возжахъ.
Заводила на дрожжахъ
Три недѣли кисли,
И все не выкисли.
Не выкисли и на четвертую недѣлю —
Акулина стала хлѣбцы катать.
На печи въ углу пекла
И кочергой загребала.
— Складу хлѣбцы въ коробокъ
И повезу въ городокъ. —
Никто хлѣбцевъ не купилъ
Никто даромъ не беретъ.
Тутъ явилася свинья,
Сѣла коробокъ одна.
Не набѣлась, только рыло замарала;
Три недѣлечки хворала,
На четвертую пропала.

VIII.

Не ходи, мое веселье,
Изъ моего двора,
Не прокладывай слѣда.
Милъ дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
До меня слава прійдетъ:
Никто замужъ не возьметъ,
Не посватается.
Лебедушка бѣлая
По бережку бѣгала;
Не про насъ ли люди судятъ,
Люди бають, говорятъ
И разлучить съ другомъ хотятъ.
Не боюсь я вѣчной муки,
Боюсь съ миленькимъ разлуки.
Боюсь батюшки,
А скажу матушкѣ:

— Родимая моя мать,
Тебѣ меня не узнавъ.
Когда я пошла гулять
Себѣ друга наживать,
Себѣ ровнюшку Семенушку.
Не ходи ты, Сеня, по сѣнямъ,
Не тонай ногой,
Мнѣ не быть за тобой,
А мнѣ быть, побывать
За Иваномъ торгашемъ.
У Ивана торгаша
Хоть нѣтъ денегъ ни гроша,
Зато слава хороша.

IX.

Вѣнокъ, ты мой вѣночекъ,
Вѣнокъ ты лазоревой,
Мой цвѣточекъ,
Куда тебя, мой вѣночекъ, положить?
Положу я, мой вѣночекъ, на головку,
Да на прекрасную дѣвченку.
Не кума съ кумой покумилася,
Дорогимъ кольцомъ подарилася —
Подарилася среди кружка
На лужкѣ-на лужечкѣ
Во дѣвушекъ въ кружечкѣ.
Ты кумъ—и твоя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тамъ и обоймемся,
Поздороваемся и разойдемся.

При пѣніи этой пѣсни, дѣвицы ходятъ по комнатамъ вокругъ мужчинъ, и когда пѣсня кончится, то дѣвицы цѣлуются съ мужчинами.

IX.

Повадился котокъ
Во слободу на краекъ,
Во слободу на краекъ
Къ богатому мужику
Ко хорошей дочерѣ;
Ко хорошей дочерѣ —
Къ Парушѣ хорошей.
Ахъ, ты, батюшко родной,
Кто-то есть у окна,
Кто-то стучается,
Кто-то брякается.
Начинаетъ ужъ свѣтать,
Стала дѣвка горевать:
Некуда кота дѣвать,
Некуда кота дѣвать!
Посажу кота въ подоль,
Посажу кота въ подоль,
Понесу кота на дворъ,
Понесу кота на дворъ,
Опущу кота изъ рукъ.

Ужъ котокъ на повесть скочилъ,
Всю повесть обломилъ,
Семь овецъ заданилъ
Восьму ялицу, годовалицу.
Что меня, что за-эту вину
Отдали замужъ молодую
Въ великую семью;
Всѣхъ четырнадцать душъ:
Свекоръ . . . ¹⁾), четыре деверя,
Четыре золовущи,
Онѣ колотовушки;
Сидятъ, ахъ, на лавочкѣ,
Сидятъ и моего мужа мутятъ,
Меня бити велятъ.
Ахъ, батюшка родной,
Дай по горенкѣ пройти,
По горенкѣ пройти
И словечушко молвить:
Ужъ какъ свекоръ на палатахъ.—
Какъ борзой кобель на канатѣ;
Ужъ какъ свекровка на печи—
Борза сука на цѣни;

¹⁾ Не разобрать. Авторъ статьи.

Какъ девери соколы—
Какъ борзые кобели;
А невѣстки говорятъ—
Намъ медвѣдицу везутъ;
А золовки говорятъ—
Намъ людоѣдицу везутъ;
Двѣ тетушки, двѣ лебедушки,
У печки стоятъ
И про то же говорятъ.

X.

Гуленькій ты мой голубчикъ,
Сизъ-косатенькой ты мой варкунчикъ.
Зачѣмъ гуленька въ гости нелетаешь,
Или домичку своего не знаешь
Или голобочку моего не слышишь?
Твой громкой голосокъ вѣтеркомъ отно-
ситъ,
Сизы крылишки частымъ дождекомъ мо-
чить.

Три ласточки, три касаточки
Вокругъ саду летали,
Къ землѣ попадали
И про мила дружка вѣсточку сказали:
Что мой-то миленькой
Сидитъ во засадѣ—въ каменномъ
острогѣ.
У острога нѣтъ ни дверей,
Ни оконъ напротесу,
Только горенка малая,
Печка муравая;
У этой же печки
Трубы выводная,
Изъ трубъ же дымокъ повѣваетъ
Къ землѣ приклоняетъ.

XI.

Наша Маша не лѣнива
Въ полночь баню затопила,
Въ баню Ваню повѣстила.
Ваня скокъ на порогъ—
Сапожанки спали съ ногъ;

Обернулся Ваня въ кругъ—
Перчаточки спали съ рукъ.
Ваня на полу лежитъ,
Къ нему черноброва бѣжитъ;
Бѣжитъ, поснѣвается,
Черну шляпу поднимаетъ,
На голову надѣваетъ,
На добра коня сажаетъ,
Принаказываетъ:
Ты поѣдешь, милъ гулять,
Не загуливайся!
На веселыхъ на бесѣдахъ
Не засиживайся!
На школьныхъ, на манерныхъ
Незаглядывайся!
Ужъ какъ школьные, манерныя
Сударыни мои
Алымъ платьемъ привлекаютъ;
А ребята наши охочи гуляти,
Танцы танцовати,
Круги занимати,
Дѣвокъ цѣловати!

XII.

Зальюсь, зальюсь, мальчикъ, слезоньками
Зальюсь горючими,
Зальюсь горючими!
Заливался мальчикъ слезоньками
Знаю для кого,
Знаю для кого!
Знаю, знаю сповидаю,
Кого я люблю,
Кого я люблю!
Любилъ, любилъ мальчикъ дѣвушку—
Тоя адѣся нѣтъ,
Нѣту, нѣту красной дѣвушки,
За моремъ живетъ,
За моремъ живетъ.
За моремъ на той сторонѣ,
На той, на той сторонѣ
Дѣвушка живетъ!
Еслибъ были златы крылушки
Слеталъ бы я къ ней
И спросилъ бы красну дѣвушку,

Любить ли меня,
Любить ли меня?
Если скажетъ, что меня любить—
Возьму за себя;
Если скажетъ—да не любить,
Убью самъ себя!
Закроются очи жены
Темной темнотой,
Заростетъ моя могилушка
Травой муравой.

XIII.

Стоитъ олень подъ кустячкомъ
Подъ сосновымъ.
Приодѣньте оленя, прикутайте:
Со дѣвушки вѣнокъ,

Когда поютъ эту пѣсню, то одинъ изъ мужчинъ пляшетъ и, по окончаніи пляски, подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, становится на колѣни и цѣлуются.

XIV.

Какъ не стадичко-то черныхъ галочекъ
Поднималось, поднималось;
То сила-армія молодыхъ солдатъ
Царя бѣлаго, царя бѣлаго!
Напередъ ихъ выбѣгаетъ молодой
«кульерь».
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ молодой кульерь
На добромъ конѣ, на добромъ конѣ;
Самъ не тряхнется, ой, да не ворохнется.
Да бѣгаетъ молодой кульерь
Къ каменной Москвѣ, къ камен-
ной Москвѣ.
Да заѣзжаетъ-то молодой кульерь
На царевъ кабакъ:
—Здравствуйте, цѣловальники,
Да «восударевы», восударевы!
Есть ли у васъ, цѣловальнички,
Зелено-вино, зелено-вино?
—Много ли тебѣ, сударь, надо
Зелена-вина, зелена-вина?
—А мнѣ надо зелена-вина
Семьдесятъ семь бочекъ.

Со молодушки платекъ,
Съ молодка-удальца
Черна шапочка, опоясанка.

XV.

Кроватушка, кроватушка тесовая,
Поставлена ты изъ несчастна дерева,
Изъ горной осины, изъ горной осины
Изъ самой вершины!
Молодецъ, молодецъ,
Ты же молоденецъ,
Кого любишь, кого знаешь,
Того поцѣлуешь.
Люблю, люблю любезную,
Ее поцѣлую,
И до тѣхъ поръ любить стану
Пока не отстану.

XVI.

Какъ не сѣры братцы ли гуси съго-
готали,
Что не сизые братцы-селезни просви-
стали;
Что небѣлые-то братцы-лебеди жалко
кличутъ,
Молодые-то наши солдатушки да слезно
плачутъ,
Жалобу-то творять на старшаго гене-
ралъ:
Не во времячко насъ солдатушекъ
выбираетъ,
Въ большой праздникъ—да въ Пет-
ровъ день.
Да не во времячко насъ солдатушекъ
обучаетъ,
Во лютые, во крещенскіе да морозы.
Ко щерблетичкамъ рѣзвья наши но-
жечки призаминало,
Ко свѣтлу ружью бѣлы рученки при-
щипало.
Породила родна матушка только двухъ
насъ, сыновей,

Воскормилъ сударь-батюшко, воспомилъ,
Чему-то насъ научилъ?
А учила-то насъ братенькова—чужая
сторона,
Да чужая дальняя сторонюшка, времен-
ная слободушка:
Весь день-то насъ бьютъ, бросаютъ
безвинно,
Насъ учать безъ краснова-то солнышка,
Во тѣмъ душу выпекають, въ тѣлѣ
кости открываютъ.

XVII.

Не кукушенка въ сырѣмъ бору куковала,
Она скуковала, она скуковала,
Не соловьюшка вотъ сталъ утѣшати,
Онъ сталъ утѣшати, онъ сталъ
унижати.
—Тебѣ полно, моя горька кукушенка,
Полно куковати, ой, полно ку-
ковати!
Охъ, ты ли глупенькой, ой, да неразумной!
Младой соловьюшка, ахъ, младой
соловьюшка,—
Какъ мнѣ, горькой кукушечкѣ, какъ
не куковати
Какъ не куковати, какъ не ку-
ковати?
Охъ, одинъ у меня былъ зеленый садъ
И тотъ высыхаетъ;
Всѣ изъ то-ли малки птички вылетаютъ,
Одну меня—горьку кукушечку въ саду
покидаютъ,
Ой, покидаютъ, покидаютъ!

XVIII.

Изъ далече, далече, да изъ чиста поля,
Изъ широкаго раздолья, изъ широкаго
раздолья.
Изъ широкаго раздолья, ой, горитъ
тутъ огонечекъ разъясношенекъ,
И дымочекъ повѣваетъ синь, тонюшенекъ.

У огонька разосланъ сѣрой войлочекъ,
Сѣрой войлочекъ;
Да на войлочкѣ лежитъ доброй молодець,
Доброй молодець.
Онъ грудень-болень и весь изранень,
И весь изранень;
Дѣвнадцать-то раночекъ получилъ ру-
жейныхъ,
Получилъ ружейныхъ;
Ужъ какъ первая-то рана въ буйной
головкѣ,
Въ буйной головкѣ;
Ужъ какъ вторая-то рана да въ пра-
вой рукѣ,
Да въ правой рукѣ;
Ой, ужъ какъ третья то-ли раночка въ
ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ.
Самъ молодець эти раночки припекаетъ,
Припекаетъ, прижигаетъ, пригова-
риваетъ.
Охъ, двѣнадцать этихъ раночекъ—не
во что ему,
Издольютъ добра молодца только три
раночки,
Три раночки копьевыя!

XIX.

Вы горы, вы горы, вы да крутня,
Горы змѣевыя, горы змѣевыя.
Да позвольте-ка вы мои горы подъ
собой постояти,
Подъ собою постояти, постояти.
Намъ тутъ не годочекъ годовати,
Одну ноченку ночевати и ту всю не спати,
Да ту все не спати, не спати.
Свинцу, пороху набрати,
Свинцу, пороху набрати,
Стеньку Разинова да устрѣляти,
Ой, да устрѣляти.
На покровскомъ то-ли на лужечкѣ
Стенки Разина не стало
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ.

Пѣсни эти, какъ видно, перенесены изъ В. Россіи и многія потеряли свой настоящій характеръ. Каждая партія ссыльныхъ, заѣзжихъ торгашей и приказчиковъ приноситъ свои пѣсни, передѣлываетъ ихъ на свой ладъ и потому нѣкоторыя лишены не только первоначальнаго своего значенія, но и самаго смысла. Большая часть пѣсней заунывные, что совершенно противоположно характеру сибиряка-старожила. Зайдите въ любую избу и вы никогда не увидите хозяина или хозяйку съ угрюмой физиономіей. Правда, характеръ здѣшняго народа серьезный и степенный; но сибирякъ-старожилъ у себя въ домѣ всегда радъ гостю и съ веселымъ лицомъ заводитъ умныя рѣчи, спрашивая обо всемъ, что только можетъ входить въ сферу его деревенской жизни. Несмотря на врожденную недоверчивость, онъ довольно словоохотливъ. Это уже можетъ служить примѣтомъ, что крестьянинъ въ Сибири не знаетъ нищеты, живетъ въ довольствѣ, и потому не о чемъ ему тужить и тосковать. Слѣдовательно, внутреннее изліяніе его души скорѣе должно бы выразиться въ веселой пѣснѣ, чѣмъ въ грустной.

Удивительно, что Сибирь—страна, завоеванная простыми народами, шаиками казаковъ, имѣетъ такъ мало народныхъ историческихъ преданій и сказокъ. Рѣдко гдѣ услышите среди здѣшняго населенія рассказы о походахъ, подвигахъ и удачѣхъ предковъ—казаковъ-завоевателей. Воспоминаніе о нихъ совершенно утратилось. Еще въ крестьянскихъ домахъ Приуралья можно встрѣтить портретъ Ермака и другихъ казаковъ; но въ южной части Енисейской губерніи скорѣе можно найти портреты современныхъ историческихъ лицъ, чѣмъ казаковъ-завоевателей. И потому сохранившіяся немногія народныя сказки и преданія даютъ очень слабое понятіе о старинѣ; онѣ болѣе изображаютъ современные нравы здѣшнихъ жителей.

Въ Минусинскомъ округѣ сказокъ сохранилось среди нихъ довольно много, но всѣ онѣ относятся къ крестьянскому домашнему житью-бытью и чрезвычайно хорошо и вѣрно характеризуютъ народъ въ двухъ отношеніяхъ: страсть къ деньгамъ и легкую нравственность женщинъ. Каждая сказка непременно имѣетъ своимъ предметомъ пріобрѣтеніе человѣкомъ большихъ богатствъ или любовныя похищенія, женитьбу, и т. п. Герои сказокъ большею частію купцы, приказчики, приказные, разбойники и проч. Для подтвержденія уже отмѣченнаго мною наблюденія о томъ, какъ мало обращаютъ здѣсь вниманіе на хорошее поведеніе дѣвушки, я приведу одну сказку (очень похожую и на всѣ другія), выписанную изъ бумагъ минусинскаго земскаго суда (за 1847 годъ, № 3), а именно: «Суженая невѣста».

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ городѣ, такъ сказать, Красноярскомъ, у одного приказнаго родился сынъ, по имени Иванъ; въ этомъ же округѣ у богатаго купца родилась дочь—Настасья. Родители этихъ дѣтей имѣли между собою дружественную связь, и потому вхожи были, со своими дѣтьми, одинъ къ другому. Малюткамъ было уже лѣтъ по пяти, и оны свыклись такъ, что не могли другъ безъ друга прожить дня; вмѣстѣ обучались и полюбились они несказанно. Замѣтили это родители и говорили часто: это будетъ суженая нашему Ивану. А купецъ говорилъ: надо же разлучить ихъ: что за пара онъ-де нашей дочери! Но только въ одинъ вечеръ, когда было гуляніе у купца (находился тутъ въ гостяхъ и приказный), гости

сильно любовались, что малютки такъ мило забавляются между собою. Вотъ гости и говорятъ въ шуткахъ: давай, мы ихъ обручимъ. Взяли да и обручили: помѣняли ихъ колечками и благословили образомъ. Малютки про обрученіе ничего не знаютъ: знай, только рѣзвятся. Такъ какъ они были одногодки, то когда пришли въ 12-ти лѣтній возрастъ, какъ-то вьединѣ и поклялись другъ другу, чтобы одному ни на комъ другомъ не жениться, а другой за мужъ не выходить. Вотъ когда совершилось имъ по 16-ти лѣтъ, то присланы были отъ одного, тоже кушца, сваты къ родителямъ кушеческой дочери. Услышавъ это, дочь сильно расплакалась и говорила: не вы ли, мои милые тятинька и маменька, обѣщали отдать меня замужъ за сына приказнаго? Они же не хотѣли и слушать ея рѣчей. Говорить: что онъ тебѣ за пара. Онъ-дѣ еще и чину не имѣетъ и, притомъ же, бѣдный; намъ-дѣ стыдно будетъ завести съ нимъ родню. Нечего дѣлать, и дочь отвѣчала: будь воля ваша! Вотъ по рукамъ и сыграли свадьбу. Послѣ вѣнца, когда молодыхъ положили на ложе въ почивальнѣ, молодая и говоритъ молодому: другъ мой, я навѣкъ твоя буду, тебя завсегда слушать и почитать буду, только сдѣлай ты мнѣ одну милость, о которой я тебя попрошу.—Что такое, моя безцѣнная? Изволь просить, и ни въ чемъ тебѣ не откажу.—Тутъ она сказала ему о своей младенческой связи съ сыномъ приказнаго, какъ они вмѣстѣ росли, какъ они другъ друга полюбили и, наконецъ, какъ ихъ родители, обручая, благословили. Она молвила: прошу тебя, позволь мнѣ первую ноченку провести съ приказнымъ,—я ему въ этомъ дала клятву. Мужъ съ охотою согласился на это и отпустилъ ее къ нареченному жениху. Женихъ-то, приказный, жилъ, примѣрно, въ десяти верстахъ. Она и пошла. Это было ночью. Вотъ на половинѣ дороги попадаютъ ей на встрѣчу бѣглецы изъ завода бродяги.—Стой, голубушка, откуда и куда?—Она и рассказываетъ имъ причину. Бродяги ведутъ ее къ своему старостѣ. Староста, увидя такую премилую красотку и много дорогой на ней «лопоты» (женской одежды) воспламенился страстью и думалъ было насмѣяться надъ нею и ограбить ее. Только когда услышалъ добродѣтельный поступокъ ея мужа, а также и ея самой, то сжался и согласился отпустить ее, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути она зашла къ нимъ въ ставъ и обсказала, какъ поступить съ нею нареченный—приказный. Уже къ свѣту приходитъ она къ своему прежнему дружку въ домъ, и онъ весьма былъ радъ этому. Послѣ многихъ любовныхъ между ними разговоровъ, она рассказала своему жениху о причинѣ своего къ нему прихода. Услышавъ про такую ея вѣрность, онъ прослезился и сказалъ:—неоцѣненная моя бывшая подруга, я покорно благодарю тебя, какъ и твоего мужа, что онъ умѣлъ цѣнить нашу любовь. Невинность твоя для меня очень дорога. Подумай же ты сама, не дороже ли она для твоего мужа? Известно, что онъ послалъ тебя ко мнѣ по одной твоей убѣдительной просьбѣ; но каково же ему будетъ смотрѣть на тебя, когда ты къ нему обратишься? Это было бы все равно, какъ бы я тебя ограбилъ. Довольно тебѣ и того, что даже бродяга, варнакъ, у котораго ты была, смягчилъ свое сердце. Благодарю премного тебя за твою обо мнѣ память; благодарю и мужа твоего за его умный поступокъ. Жаль тебя премного. Но такъ какъ мужъ твой умный человѣкъ, то уступаю ему тебя безъ обиды ради того, что будешь обладать хорошимъ сердцемъ. Неси невинность твою къ нему и скажи, что я не нашелъ для него болѣе

подарковъ. Тутъ онъ упалъ, въ обморокъ и сильно плакалъ. Суженая невѣста приказанаго возвратилась къ мужу; мужъ весьма обрадовался ея приходу. Начали цѣловаться, миловаться и когда она рассказала ему обо всемъ съ нею случившемся, то онъ съильно полюбилъ ее, и всетаки сказалъ: «вѣдь дуракъ-то приказный! Видно, что не знаетъ коммерческаго разсчета». Мужъ съ женою жили богобоязливо и въ большомъ согласіи дожили до глубокой старости».

Приведемъ преданіе о чудскихъ могилахъ въ Минусинскомъ округѣ. «За нѣсколько сотъ лѣтъ, когда только, будто-бы, начала въ Сибири расти бѣлая береза, люди здѣсь обитавшіе, называемые чудью, увидѣвъ это дерево, разпустили слухъ, что идетъ на нихъ бѣлый царь. Не желая, по своей дикости, быть въ подданствѣ Россіи, они рѣшились лучше погибнуть и начали живыми зарываться въ землю и на могилахъ своихъ ставили камни, которые въ теперешнее время называются курганами. Другіе же изъ чудскихъ народовъ, самые смѣлые, пороли себѣ животы ножами или бросались съ утесовъ въ р. Енисей. Но всѣ ли эти народы истребились или остались живы—изъ преданій народныхъ неизвѣстно».

Свадебные обряды крестьянъ-сибиряковъ представляютъ много любопытнаго. Если хотите, въ обрядахъ этихъ сохранились тѣ же обычаи, что и въ Европейской Россіи, съ нѣкоторыми прибавками, которыя довольно рѣзко характеризуютъ здѣшняго крестьянина. Такъ, напримѣръ, въ Евр. Россіи выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха. И сюда перенесли тотъ же обычай съ тою разницею, что въ Евр. Россіи какъ женихъ, такъ и родители при выборѣ невѣсты болѣе основываются на хорошей ея нравственности и на доброй славѣ семьи; здѣсь же родители стараются женить сына какъ можно раньше для того только, чтобы размножить семейство и увеличить число работниковъ. Поэтому, крестьянскіе сыновья—большіе волокиты, о женитьбѣ мало думаютъ и къ родителямъ съ просьбами объ этомъ не обращаются. Забота женить сына лежитъ на родителяхъ, которые при этомъ больше заботятся о томъ, чтобы невѣста была крѣпкаго сложенія, здоровая, испитанная... и не калѣка, чѣмъ объ ея красотѣ и нравственности.

Такимъ образомъ, родители, высмотрѣвъ въ своемъ селѣ или въ другой деревнѣ дѣвицу, объявляютъ о сватовствѣ сыну. Мать жениха приглашаетъ другую женщину, разумѣется «говорящую», и отправляются къ родителямъ невѣсты. Войдя въ избу, останавливаются у порога, три раза крестятся передъ иконами, потомъ поклонясь въ поясъ на всѣ три стороны, приветствуютъ хозяевъ:

— Здравствуй, родимая Степанида Ивановна и родимый Петро Ивановичъ!

— Добро жаловать, отвѣчаютъ хозяева, родимыя Маланья Петровна и ты, Марья Алексѣевна! Откуда васъ Богъ принесъ? Просимъ покорно на лавочку бесѣдовать.

Гости садятся и нѣсколько минутъ молчатъ, потомъ встаютъ, выходятъ на средину комнаты, кланяются въ поясъ и начинаютъ приговаривать:

— Мы къ вамъ, Ивановна, и ты, Петръ Ивановичъ, пришли съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ. Василій Митрофановичъ кланяется Акулинѣ Петровнѣ. (Митрофановичъ—женихъ, а Акулина—невѣста).

— Милости просимъ, родимые; доброе дѣло!

Опять садятся всѣ. Сваха, сидя, разговариваетъ съ родителями:

— Покорно просимъ ужъ вамъ сказать намѣреніе ваше о женихѣ; парень славный (сваха продолжаетъ вычислять всѣ достоинства жениха) и дѣвка-то ядреная — одинъ другова стоять! Домъ добрый, есть добра и живота, будетъ чѣмъ орудовать, да къ тому же сами вы знаете: одинъ сынъ, кручины нельзя бояться!

Мать невесты отвѣчаетъ:

— Кто про это, родимая, не знаетъ. Да правду сказать, отдавать-то мы дѣвку не намѣрены... И мать продолжаетъ: (тутъ выражается очень хорошо скрытность и скуность сибирскаго крестьянина) куделя (лѣнъ) не родилось и бѣлья-то мало; да подумай-ко, родимые свать и сватюшка, куда еще что не тутъ отдать, — я вѣдь, сватюшка, небольшая въ этомъ, какъ вѣдь старикъ чаво скажетъ.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Да чѣмъ-то мы будемъ свадьбу отправлять... Провѣсной говядины-то у насъ мало, одна только жердь навѣшена. Зѣфровать мыче не ходилъ и не хмѣлевалъ, — хмѣлю-то ить. Пива не изъ чего варить. Чаво же тутъ будень дѣлать.

Сваха настоятельно проситъ:

— Да подумайте-ко, намѣрены, такъ намѣрены. Одно, что ужъ бы мы знали. Вѣдь, не съ чѣмъ и намъ итти, сами знаете.

— Буда, мы сегодня ничего сказать не можемъ. Авось со старухой подумаемъ... ну, да и у дѣвки спросимъ, какъ бишь она скажетъ. Милости просимъ пожаловать на утро.

— Подумайте-ко, какъ получше, подумайте!

Свахи встаютъ, кланяются низко и уходятъ.

По уходѣ ихъ, мать и отецъ невесты «шибко» задумываются, судятъ, обсуживаютъ жениха, его семью и, наконецъ, рѣшаютъ такъ:

— Чаво же, баба, спрашиваетъ старикъ жеву?

— Да я что же ту-то-ка? Твое же дитище, самъ знаешь, парень работящій, дѣвка здоровая, неболѣзненна, почему же не отдать?

— Ну, и дѣло: отдать, такъ отдать!

На другой день прихлѣять свахи и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій спрашиваютъ:

— Ну, вздумали, родимые, отдавать Акулину Петровну?

— Говорили-де мы вечеръ дѣвкѣ, да она баятъ-то, что безъ постели-то и доброй шубы не пойду, да и даровъ-тѣ не на что у ней купить.

— Да только бы ваше намѣреніе было и за «молодца» дѣвку отдать, говоритъ сваха, а мы не поскупимся въ деньгахъ.

— Ну, да если не пожалѣете еще сто рублей на расходы, то... (здѣсь хозяйка запинается и чешетъ себѣ затылокъ) ¹. А то, ей же Богу, нечѣмъ Акулину отдать!

— Извольте, родимые, и за этия не стоимъ!

¹ Въ Сибири, при выдачѣ дочерей замужъ, родители всегда стараются скрыть свое богатство и очень часто обманываютъ жениховъ.

При этомъ извѣстїи старикъ встаетъ и обращается къ женѣ:

— Ну, чего же, баба, отдавать, такъ отдавать! Неси-ко огня, да затепли-ко свѣчу передъ образами; помолимся Богу, да и по рукамъ!

Старуха, молча, встаетъ, слезы навертываются у ней на глазахъ, и идетъ исполнить приказаніе мужа. Невѣста, сидѣвшая за перегородкой, вдругъ начинаетъ плакать на-взрыдъ; но когда затеплили свѣчу, въ комнатѣ все утихаетъ и начинаютъ молиться Богу всѣ, кромѣ невѣсты, которая обыкновенно выбѣгаетъ изъ комнаты, забирается на сѣноваль или въ баню и тутъ даетъ свободу своимъ слезамъ.

Послѣ молитвы «бьютъ по рукамъ». Старуха покрываетъ столъ хорошею бѣлою скатертью, ставитъ хлѣбъ и соль, а пришедшія свахи штофъ водки. Выпивъ по рюмкѣ вина, посылаютъ за родственниками. Собравшіеся садятся на указанныя хозяиномъ мѣста, обсуживаютъ жениха и рассказываютъ о начавшейся свадьбѣ. Вдругъ растворяются двери и входитъ заплаканная, но одѣтая въ самое лучшее платье невѣста съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ приготовлены дары свахамъ, состоящіе изъ бумажнаго или шелковаго платка. Свахи отдариваютъ ее деньгами, приговаривая: «стоять другъ друга!» Невѣста все плачетъ, заливаясь горькими слезами, будто ведутъ ее на смерть. Родственники уговариваютъ ее, сваха тоже присоединяется съ своими увѣщаніями:

— Не плачь шибко, родимая! У насъ деревня веселая, выйти есть куда. Ну, и сосѣди добрые же у насъ.

Невѣста, молча, выходитъ изъ комнаты. Тутъ мать жениха обращается къ сватьѣ своей:

— А что, сватюшка, въ это бы воскресеніе сдѣлать и обрученіе?

— Что ты, что ты, родимая! У насъ еще нѣтъ ничего готоваго, пиво не варено. Кудѣ, развѣ въ то воскресеніе такъ можемъ обѣщать!

— Ну, такъ въ то.

— Такъ въ то, такъ въ то!

Сваха и мать жениха, уходя, останавливаются у дверей, кланяются и говорятъ:

— Покорно же, покорно просимъ не измѣнить добраго своего слова!

Такъ начинается свадьба у крестьянъ въ Минусинскомъ округѣ. Сватовство у крестьянъ другихъ округовъ Енисейской губерніи, какъ описываетъ г. Степановъ, разнится тѣмъ, что родители выбираютъ невѣсту по указанію жениха и прежде свать съ женихомъ отправляются къ родителямъ невѣсты на «смотрѣніе». Въ моемъ описаніи смотрѣніе слѣдуетъ за сватовствомъ¹.

Въ назначенный день для обрученія родители невѣсты собираютъ родственниковъ и гостей, и когда все уже готово, извѣщаютъ о томъ жениха. Женихъ вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками приходитъ въ домъ невѣсты и, остановившись у дверей, ожидаютъ появленія невѣсты. Свахи, выбранныя со стороны невѣсты, выводятъ ее изъ другой комнаты. Въ рукахъ свахи тарелка, на тарелкѣ невѣстино кольцо. Женихъ подходитъ къ свахѣ и кладетъ на тарелку свое кольцо. Одинъ изъ родственниковъ, со стороны жениха,

¹ Степановъ: Енисейская губернія, стр. 110.

береть оба кольца и мѣняетъ ихъ: невѣстину отдаетъ жениху, а женихово невѣстѣ. При этомъ обрядѣ дѣвицы, подружки невѣсты, поютъ пѣсню:

— Ой, въ городѣ, въ городѣ
Перстени ковали, перстени ковали.
Кому этими перстениями обручаться?
Обручаться молодцу со дѣвицей,
Василью Митрофановичу съ Акулиной Петровной,
Со красавицей, со красавицей (и проч.).

По окончаніи этой пѣсни, женихъ и невѣста цѣлуются и садятся за приготовленный столъ. Отецъ жениха обращается къ свату съ словами:

— Святюшко и святюшка, прошу пожаловать парочку рюмочекъ съ подносомкомъ.

Рюмки и подносъ передаются невѣстѣ. Родственники жениха, въ свою очередь, говорятъ:

— Родимые святюшко и святюшка! Пожалуйте-ко къ столу.

Старикъ со старухой (мать и отецъ невѣсты) подходятъ къ столу и невѣста подноситъ имъ рюмки съ виномъ. Родители жениха тутъ приговариваютъ:

— Просимъ покорно, святюшко и святюшка, вынѣть и полюбить нашего сына.

Выпивъ водку, родители невѣсты говорятъ:

— Просимъ полюбить нашу дочь, а ты, Василій Митрофановичъ, полюби-ко нашу Акульку и покажи-ко намъ, нареченный зять, дорожку.

Тутъ женихъ и невѣста цѣлуются. Потомъ невѣста наливаетъ рюмку вина и потчуетъ всѣхъ присутствующихъ; каждый изъ нихъ, выпивъ рюмку вина, цѣлуется съ невѣстой и женихомъ, отвѣщая притомъ низкіе поклоны. Во время этой церемоніи всѣ стоятъ; потомъ, по приглашенію родителей, садятся за столъ и закусываютъ.

Весь этотъ вечеръ дѣвицы поютъ пѣсни, величая въ нихъ жениха, невѣсту и родственниковъ по имени, отчеству. За пѣсни гости дарятъ дѣвицъ деньгами. Нужно замѣтить, что угощеніе въ этотъ вечеръ дѣлается на счетъ жениха. Вино, для большей важности, никто изъ гостей самъ себя не наливаетъ, хотя оно поставлено тутъ же на столѣ; но, по обычаю, вино наливается кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, а подносится невѣстой. Разговоры во время этой парушки обыкновенны: мужчины говорятъ о хозяйствѣ, уржаѣ хлѣба, скотоводствѣ и проч.; женщины о домашнемъ житыи-бытѣ, о холстѣ, объ огородахъ и проч. Разговоръ послѣднихъ всегда оживленнѣе, и онѣ крикомъ, своимъ заглушаютъ разговоръ мужчинъ. Эта крикливость происходитъ отъ того, что въ этотъ день всѣ должны быть пьяны, не исключая даже и тѣхъ изъ женщинъ, которыя вовсе не пьютъ вина. Въ этотъ же вечеръ назначается, когда быть дѣвичнику.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ наканунѣ свадьбы, невѣста сзываетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыя, нарядясь какъ можно лучше, соби-

раются въ одинъ какой-нибудь домъ, и потомъ идутъ тихимъ шагомъ къ дому, гдѣ живетъ невѣста. Собранныя въ избу, невѣста и подруги садятся въ передній уголь и поютъ унылую пѣсню:

Благословите, родимые батюшко и матушка,
Мнѣ русу косу расплести
По могучимъ плечамъ раскласти!
и проч.

По окончаніи этой пѣсни, отецъ подходитъ къ дочери, которая кланяется ему въ ноги. Отецъ благословляетъ ее. За отцомъ подходитъ мать и благословляетъ; дочь кланяется ей въ ноги. Такимъ же образомъ подходятъ поодиночкѣ всѣ домашніе, которые постарше ее, т. е., братья, сестры, дяди, тетки. Потомъ невѣста обращается къ подругамъ своимъ и поетъ ту же пѣсню, съ отбѣною только словъ, вмѣсто батюшки и матушки, иззываетъ ихъ: мои милыя подруженки. Подруги отвѣчаютъ ей на это только поклономъ и послѣ вѣдругъ всѣ затягиваютъ унылую пѣсню:

Красота ли ты, моя красота дѣвичья,
Души красной дѣвицы Акулины Петровны!
Кому ты, красота, достанешься,
Не князю ты, не боярину,
Не купцу ты торговому,
Не гостю проезжему.

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанешься ты, моя красота,
Родимой подруженкѣ.
И красуйтесь, любезныя мои подруженки,
Красуйтесь у своихъ родимыхъ
Батюшковъ и у осударынь-матушковъ!
Я открасовалася
Въ своей дѣвѣй красотѣ
И у родимаго у батюшки,
И у осударыни-матушки,
И у братцевъ и сестрицевъ!
Соберетесь, подруженки, весной
На большую улицу,
И пойдете вы во чисто поле
По цвѣты алые,
Всѣ цвѣту цвѣты алые,
А мой цвѣтокъ
Весь посохъ и поблекъ!

Во все время, пока поютъ эту пѣсню, невѣста сильно плачетъ, плачутъ тоже и многія ея подруженки.

По окончаніи пѣсни, къ невѣстѣ подходятъ отецъ, мать, братья, сестры, расплетають ей косу и благословляютъ. Невѣста раздаетъ подругамъ свою красоту, т. е. разноцвѣтныя ленточки, «горташки» для застѣжки рубашекъ.

Затѣмъ невѣста поетъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко и матушка,
Въ баню помыться и попариться
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во первые-то и послѣдній разъ
Въ своей дѣвѣй красотѣ!

Тутъ невѣсту опять всѣ домашніе благословляютъ, и она отправляется съ нѣсколькими подружками въ баню. По выходѣ изъ бани, невѣста поетъ съ подружками пѣсню:

Благодарю, тебя родимый
Батюшко и осударыня-матушка,
За парную баню, за мыльце,
За шелковый вѣничекъ.
Я имъ отмылася и отпарилася,
Въ первый и послѣдній разъ,
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во своей дѣвѣй красотѣ!

Послѣ бани, дѣвѣцы одѣваютъ невѣсту къ приходу жениха. Когда одѣвуть ее, «докладываютъ» старикамъ (родителямъ): «невѣста готова».

Тогда родители сзываютъ всѣхъ знакомыхъ на вечеръ, т. е. на дѣвичникъ. Женихъ же со своими боярами, дружкой и свахой не показывается до тѣхъ поръ, пока не получитъ извѣщенія отъ невѣсты. Невѣста до прибытія жениховаго поѣзда не выходитъ въ горницу, гдѣ приготовленъ столъ для угощенія, а сидитъ со своими подруженками въ «куть», т. е. въ комнату, гдѣ одѣвалась (куть, по здѣшнему, значить передній уголь горницы, разгороженный отъ ней деревянной стѣною). Но вотъ является жениховъ поѣздъ, т. е. женихъ со свахою, тысяцкимъ, дружкой и боярами; они входятъ въ горницу, потомъ идутъ въ куть. Женихъ цѣлуетъ невѣсту въ уста и даритъ ей нѣсколько денегъ; невѣста съ своей стороны отдариваетъ жениха носовымъ платкомъ. Тутъ же женихъ цѣлуетъ всѣхъ невѣстиныхъ подружекъ и потомъ, взявъ невѣсту за руку, выводитъ въ горницу и оба садятся за столъ.

Полдъ жениха становится тысяцкій, а полдъ невѣсты сваха; за ними всѣ бояра. Вдругъ дружка восклицаетъ:

Есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ отецъ родимой и мать родима?

Родители невѣсты: есть.

Дружко: Благословите взойти за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

Родители невесты: Богъ благословить!

Послѣ этого всѣ садятся за столы—возлѣ жениха тысяцкой, возлѣ тысяцкаго два или три бояра, потомъ дружка съ плетью и съ складнымъ ножомъ— всѣ они сидятъ по правую руку жениха. По лѣвую руку сидитъ невеста, а далѣе возлѣ нея сваха и кто-нибудь изъ родственницъ жениха. Является отецъ и мать невесты съ полнымъ штофомъ вина въ рукахъ, ставятъ его на столъ, установленный разными кушаньями и начинается подчиванье сперва жениха и тысяцкаго. При этомъ тысяцкій обращается къ жениху:

— Покажи-ко дорожку, будь-ко посиѣлаѣ, да своего дѣла не забывай!

Женихъ поданную ему рюмку вина раздѣляетъ съ невестой, тысяцкій же одинъ выпиваетъ до дна. Потомъ подаютъ вино всѣмъ, по порядку, соблюдая старшинство. Старикъ со старухой пьютъ тоже. Послѣ этой круговой, дружка встаетъ, всѣ тоже поднимаются со своихъ мѣстъ, и дружка восклицаетъ:

— Господинъ хозяинъ и хозяйшка, благословите хлѣба-соли покушать!

Родители отвѣчаютъ: Богъ да благословить!

Всѣ садятся, а дружка поднимается со своего мѣста, вынимаетъ изъ-за пояса ножъ и начинаетъ крошить кушанья. Потомъ беретъ вилкою кусокъ мяса и подноситъ невестѣ; невеста снимаетъ пальцами мясо, ѣстъ и, въ свою очередь, подноситъ кусокъ мяса дружкѣ. Послѣ дружка подноситъ мясо жениху, тысяцкому, словомъ, потчуетъ всѣхъ гостей.

Во время стола дѣвцы поютъ пѣсни для молодыхъ и для каждаго, участвующаго въ свадьбѣ.

Пѣсня жениху:

Василья матушка въ счастливый день породила,
Въ воскресную заутреню целенала,
Его матушка приговаривала:
Дитѣ ли мое, дятятко,
Будешь на возрастъ и на Вожьей милости
Соберешься съ умомъ, съ разумомъ,
Съ молодецкимъ поѣздомъ,
И поѣдешь жениться
На Акулькѣ, красной дѣвицѣ.
Вѣдешь на широкій дворъ,
Не пушай коня по двору,
Привяжи коня къ столбу,
Ко колечку серебряному.
Взойдешь на красно крыльцо,
Со красна крылечка въ новы сѣни.
Изъ новыхъ сѣней въ высокъ теремъ.
Ставешь Богу молиться—
Клади крестъ по писанному,
Кланяйся по ученому,

На всѣ четыре стороны:
Тестю и тещѣ,
На особицѣ примѣчай
Свою суженую.
Твоя сужена приятная,
Руса коса расплетенная,
По могучимъ по плечамъ раскладена,
Очи ясны призаплаканныя,
Лице бѣло призаертное.

Пѣсня невѣстѣ:

Говорилъ сударь-батюшко,
Не отдамъ тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за кушца торговаго,
Ни за гостя проѣзжаго.
Построю тебѣ, дитятко,
Свѣтлу свѣтлицу
И столону нову горницу.
Посажу я тебя на диванъ
Подъ окошечко,
Обвяжу я тебя, дитятко,
Плисомъ и бархатомъ;
Обвѣшу я тебя, дитятко
Серебромъ и золотомъ,
Дорогимъ, бѣлымъ жемчугомъ.
Говорилъ сударь-батюшко,
Говорилъ—все обманываль:
Обсадилъ тебя батюшко
Вокругъ князьямъ и боярами;
Обвѣсилъ тебя батюшко
Печалью великою,
Кручиной немалою;
Улилъ тебя батюшко
Слезамъ горячими.

Тысяцкому:

Ты, тысяцкой, послунай, послушай,
Какъ дѣвицы тебя по имени называютъ,
По отечеству величаютъ,
Къ чему они тебѣ пригиваютъ,—
Будто бѣлый сахаръ на блюдѣ,
Да зелено вино двоено, да двоено!
Милая моя молодушка,
Хавронья Ивановна, голубушка,
(Хавронья Ивановна жена тысяцкаго),

Принеси мнѣ, Хавронюшка, сына
И дай ему хорошее имя—
Богомъ дано Иванъ Калиничъ!

Старшему боярину холостому:

Видися тутъ и повидися
У воротъ веревюшки;
Не сами онѣ завивалися,
Завивали ихъ плотнички,
Дороги-славны мастера,
Топорами они вострыми,
Скобелями булатными.
Видись тутъ, повидись,
У Григорья Филиповича (имя боярина)
Кудри русые
На буйной головушкѣ;
Не сами-то онѣ завивалися,
Завивала родимая сестрица,
Гребенкомъ кудри разчесывала,
Жемчугомъ кудри унизывала,
Снаряжали у большіе бояра.
По удаломъ добромъ молодцѣ,
Василѣ Митрофановичѣ (женихѣ),
Наряжали, приговаривали:
Будуть дѣвицы тебя называть
И по изотчеству называть.
Григорій Филиповичъ,
Не скупись, не скупись,
Золотой казной разступися.

Боярину женатому:

Не шумите вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонка колокола,
Не разбудите Митрофана жену!
У Денисовича вечеръ жена
Во чистомъ пиру была,
Бѣ утру сына породила—
Иванушку Митрофановича.

Дружкѣ:

У насъ дружка — Михайло хороший,
У насъ дружка — Гавриловичъ пригожий,
Онъ гораздъ по чисту полю гуляти
И изъ лука онъ стрѣляти.

Полудружкѣ:

У насъ полудружья дѣвушки любили,
Степана Федоровича да любили.
Да почему его дѣвушки любили?
У насъ полудружье повертешекъ,
Онъ туды-сюды повернется
И на всѣ четыре стороны
Со князьемъ и со бояремъ
Слово-рѣчь говорить.

Невѣстной свахѣ:

У насъ княжа сваха Катерина Осиповна,
Гордая и спесивая она;
Колды-то она слово вымолвить
Со князьями, со боярами,
А не съ нами, сударынями.

Свахѣ жениховой:

У насъ княжна сватонка
Акулина Фоминна —
Богатая: она съ гривны
На гривну ступаетъ,
Полтиною ворота запираетъ;
Во всѣ стороны она
По гривенкѣ бросаетъ,
Она нищимъ, убогимъ надѣляетъ,
Ахъ, надѣляетъ.
Да свашенька себѣ скушаетъ
По удаломъ, добромъ молодцѣ,
По Васильѣ Митрофановичѣ.

Сверхъ этихъ пѣсней, каждому пригѣвается подобный же пригѣвокъ. Пригѣвки эти сочиняются большею частью экспромтомъ и поются для того, чтобы пріохотить каждаго изъ участниковъ въ свадьбѣ къ щедрымъ подаркамъ за труды дѣвицы.

Когда кончатся всѣмъ пригѣвки, тогда тысяцкой требуетъ стаканъ: «красныя моя дѣвицы, пожалуйте-ко стаканчикъ!»! Стаканъ подается. Тысяцкой наливаетъ въ него пиво и бросаютъ туда же мѣдныя, а кто имѣетъ — и серебряныя деньги. Стаканъ подносится одной изъ дѣвицъ, которая выпиваетъ пиво, стаканъ отдаетъ тысяцкому, а деньги беретъ себѣ. Тоже дѣлаютъ всѣ тѣ, кому пѣлись пѣсни. Послѣ этого дѣвицы поютъ благодарственные пѣсни.

Тысяцкому:

Спасибо тебѣ, тысяцкой, Иванъ Ивановичъ:
На твоихъ-то небольшихъ дарахъ.
Мы большіе-то твои дары приняли
И сладки-то меду выпили.

Такой же призывок поется и всѣмъ тѣмъ, кто дарилъ дѣвицъ, съ тою разницею, что для каждаго прибавляется его имя и отчество.

Этимъ оканчивается вечерній столъ. Тутъ дружка, исполняя обязанность распорядителя, подымается на ноги, а съ нимъ вмѣстѣ встаютъ всѣ гости. Дружка говоритъ: «Спасибо хозяину и хозяйшкѣ за хлѣбъ за соль, за пріятность вашу и угощенье!»

Гости опять садятся по мѣстамъ. А такъ какъ, по обычаю, никто изъ домашнихъ за столомъ не сидитъ и не раздѣляетъ съ гостями трапезы, то дружка восклицаетъ: «Ухъ, усталъ черезъ чуръ! Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили»? Тутъ одинъ изъ родственниковъ невѣсты начинаетъ подносить гостямъ пиво и прежде всего жениху. При этомъ сваха беретъ невѣсту за руку, хочетъ выходить, изъ-за стола, но женихъ удерживаетъ невѣсту и, выпивъ стаканъ пива, цѣлуетъ ее, бояръ и весь поѣздъ.

Сваха уводитъ невѣсту въ другую комнату, т. е. въ кутъ; за ними уходятъ всѣ дѣвицы. Прочіе остаются на своихъ мѣстахъ за столомъ. Въ кутѣ, гдѣ сидитъ невѣста, раздается пѣсня дѣвицъ:

Подойди, подступи,
Дорогой гость, небывалой,
Какъ Василій Митрофановичъ (женихъ),
Ко мнѣ, въ кутъ, за занавѣсы,
Ко мнѣ, къ молодіошенькой,
Ко мнѣ, зеленіошенькой—
Недорослой въ полѣ травонькѣ,
Недодарьшой въ кустѣ ягодекъ!

По этому призыву, женихъ приходитъ въ кутъ; невѣста даритъ его платкомъ, а женихъ отдариваетъ ее деньгами и садится рядомъ съ невѣстою. Такую же пѣсню поютъ для бояръ, дружки, полудружья и др., и чье имя упомянуть въ пѣснѣ, тотъ является въ кутъ, цѣлуетъ невѣсту и даритъ ее деньгами, потомъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвицъ и возвращается на свое мѣсто. Немного погодя, всѣ, находившіеся съ невѣстою за столомъ, прощаются и уходятъ въ свои дома.

Невѣста, оставшись съ своими подругами, удерживаетъ ихъ на ужинѣ. Столъ накрывается снова, ставятъ на немъ кушанья; невѣста садится въ передній уголъ, а по сторонамъ, кругомъ стола, размѣщаются ея подруги. Дѣвицы и невѣста поютъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко,
Мнѣ поить и поѣсть;
Покушати хлѣба-соли
Во первы-то и въ послѣдній
Со своими подруженками,
Со своими голубушками;
Во первы и во послѣдній
И во всей моей дѣвичьей красотѣ?

Такую же пѣсню поютъ матери, братьямъ, сестрамъ и прочимъ домашнимъ. Потомъ, послѣ ужина, поютъ благодарственную пѣсню. Послѣ дѣвичника, на другой день бываетъ бранье.

Наконецъ, наступилъ день свадьбы. Женихъ, взявъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ со всею поѣздомъ въ домъ къ невѣстѣ. Поѣздъ останавливается гдѣ-нибудь далеко отъ дома невѣсты, а дружка съ полудружемъ на верховыхъ лошадяхъ, съ привязанными къ шеѣ и ушамъ лошади колокольцами, ѣдутъ въ домъ къ невѣстѣ. Гости входятъ въ горницу, кланяются на всѣ стороны, подходятъ къ невѣстѣ, цѣлуютъ ее и говорятъ:

— Приказалъ кланяться молодой князь княгинѣ и сказать: живѣ и здоровѣ.

Имъ она отвѣчаетъ однимъ только поклономъ; они выходятъ изъ горницы. Спустя нѣсколько времени дружка является одинъ къ невѣстѣ и приноситъ ей отъ жениха платье (т. е. весь уборъ женскій). Стоя передъ невѣстой съ платьемъ и стаканомъ пива, онъ приговариваетъ:

— Приказалъ молодой князь кланяться и просилъ принять цвѣтное платье и выпить за его здоровье стаканъ пива.

Невѣста, не принимая ни того, ни другого, молчитъ. Дружка вытягивается передъ нею, какъ солдатъ передъ начальникомъ, а дѣвицы, которыя не покидаютъ невѣсту до вѣнчанія, затягиваютъ пѣсню:

Не приму у тебя, друженка,
Твоего пива пьянаго
И твоего платья цвѣтнаго! И проч.

Дружка упрашиваетъ убѣдительно принять подарокъ и, низко кланяясь, говоритъ:

— Прими ты, княгинюшка Акулина Петровна, отъ князя Василія Митрофановича дары! Пожалѣй ты, княгинюшка, мои тутъ труды!

Невѣста беретъ стаканъ съ пивомъ и передаетъ его дѣвицамъ, а платье причетъ въ сундукъ. Дѣвицы, выпивъ пиво, передаютъ стаканъ невѣстѣ, которая отдаетъ его дружкѣ. Дружка низко кланяется и приговариваетъ:

— Спасибо, Акулина Петровна, что ты приняла пиво пьяное, платье цвѣтное!

Дружка кланяется снова и говоритъ:— Вудьте готовы, мы со всею поѣздомъ скоро будемъ.— Дружка уходитъ.

Подруги невѣсты начинаютъ ее одѣвать, приговая:

На дворѣ снѣгъ припорашиваетъ,
Душечка Акулина Петровна собирается,
Петровна со двора съѣзжаетъ.
Что ты, батюшко, меня не внимаешь,
Не уговариваешь!
Въ теремѣ не будетъ меня—растужится,
Въ высокомъ не станетъ меня—расплачется!

Одѣвъ невѣсту, сваха выводитъ ее на средину комнаты. Отецъ приказываетъ постлать на полъ войлокъ (или коверъ) и становить на немъ невѣсту; беретъ икону и вмѣстѣ съ женою и невѣстою становится на войлокъ. Невѣста крестится два раза и кланяется родителямъ въ поясъ; потомъ, перекрестясь въ третій разъ, кланяется до полу, встаетъ и цѣлуетъ икону. Отецъ и мать благословляютъ ее знаменіемъ креста три раза, дѣвицы же поютъ пѣсню:

Не верба-то въ полѣ кланяется,
Акулина Богу молится,
У Матери Божей Богородицы
Просить она милостины,
У батюшки-то родимаго
Просить благословенійца:
Благослови, родимой батюшко,
И во путь и во дороженьку
Къ золотому вѣнцу ѣхати!

Послѣ отца и матери благословляютъ крестный отецъ и всѣ домашніе. Потомъ всѣ садятся за столъ. Невѣста съ подружками и свахой поютъ пѣсню:

Простите меня вы, подруженьки,
Простите, голубушки!
Съ вами, подруженьки,
Не въ годъ, не въ два увидимся,
А со своей дѣвьею красотой
Вѣкъ не видатися
И на рѣкѣ не сплыватися.

Тутъ невѣста заливається горькими слезами и плачетъ—какъ говорится—назарыдъ; подружки, слушая, плачутъ и, наплакавшись досыта, умолкаютъ. Вдругъ слышится лошадиный топотъ, колокольцы побрякиваютъ и во дворъ въѣзжаетъ женихъ со всѣмъ поводомъ. Пріѣзжіе входятъ въ горницу. Въ горницѣ невѣста сидитъ за столомъ одна, какъ сирота, задумчивая, грустна. Возлѣ стола стоитъ братъ невѣсты, который, какъ волитса, долженъ продать косу своей сестры. Тысяцкій подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ пива и подаетъ брату невѣсты; но послѣдній не принимаетъ. Тутъ дѣвицы изъ другой комнаты начинаютъ пѣть пѣсню:

Не сдавайся-ко, братецъ,
На пиво пьяно
И на золоту казну! И проч.

Тысяцкій предлагаетъ брату деньги, братъ торгуется и, наконецъ, съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія о своей сестрѣ, беретъ деньги и выпиваетъ стаканъ пива. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Богъ тебѣ судья,
Родимый братецъ!
Сдался ты на пиво пьяное,
На золоту казну! И проч.

Братъ невѣсты исчезаетъ. Дружка между тѣмъ восклицаетъ:

— Есть ли въ этой свѣтлицѣ, новой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

Родители отвѣчаютъ:—есть.

Благословите князя молодого съ тысяцкимъ, большого боярина съ меньшимъ, дружку съ полудружьемъ, сваху съ повозникомъ и со всемъ поѣздомъ, благословите зайти за столы дубовые, за скатерти бранныя, за питья пьяныя!

Отецъ и мать отвѣчаютъ:

— Богъ благословить васъ!

Всѣ садятся за столъ. Начинаютъ подзывать холодную закуску, хлѣбъ-соль, жаркое и, какъ необходимую принадлежность свадебнаго стола, свиную голову, разукрашенную лентами и разноцвѣтными бумажками. Затѣмъ, изъ другой комнаты выходятъ двѣ сестры невѣстены или двѣ подруги: одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ тарелку съ дарами, а другая—подносъ съ рюмками. Сперва подносится вино жениху, который откланивается и возвращаетъ рюмку съ виномъ не выпитую; подходитъ другая дѣвица и подноситъ ему же платокъ; женихъ принимаетъ и отдариваетъ деньгами. Такіе же дары дѣлаются и всему поѣзду. Во время этой церемоніи дѣвицы поютъ пѣсни, приличныя всемъ участвующимъ въ свадьбѣ. Дружка благодаритъ отъ имени всехъ хозяина за хлѣбъ-соль и восклицаетъ: благословите, отецъ и мать родимые, нашему князю получить молодую княгиню! Родители отвѣчаютъ: Богъ благословить!

Всѣ выходятъ изъ-за стала; отецъ беретъ дочь за руку и подводитъ къ жениху, который принимаетъ руку невѣсты, и отецъ, сжавъ крѣпко ихъ руки, говоритъ: «изволь, родименькой, получить мою дочь! Пой, корми, одѣвай и обувай ее для себя!»

Эта минута самая торжественная. У всехъ навертываются на глазахъ слезы... Невѣста бросается въ объятія матери, вливается въ нее жадными устами, голосить, воевать, и стenanія ея замираютъ въ сладкихъ поцѣлуяхъ...

Отецъ и мать садятся за столъ, на тѣ же самыя мѣста, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Стойко-ко ты, зеленая,
И вѣкъ безъ верху.
Живить-ко, живить-ко,
Живи, батюшко, вѣкъ безъ меня,
Безъ душечки, Акулины Петровны!

Тутъ опять подносятъ всемъ, кромѣ жениха и невѣсты, по стакану пива. Наконецъ, женихъ и невѣста падаютъ въ ноги отцу и матери, принимаютъ ихъ благословеніе, встаютъ и сильная рука жениха неволью увлекаетъ

невѣсту изъ родимаго крова. Всѣ выходятъ на дворъ, женихъ съ невѣстою садятся на особую телѣгу, а дружка приказываетъ поѣзду садиться, гдѣ кому слѣдуетъ, и самъ, держа икону, усаживается съ тысяцкимъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Народъ гурьбою стоитъ на дворѣ, у воротъ и на улицѣ, — кто изъ любопытства, кто изъ участія проводить прежнюю свою подругу. Поѣздъ двинулся со двора. Отецъ и мать выходятъ за ворота и безмолвно провожаютъ свое любовное дитя прощальными знаками.

Между тѣмъ, пока въ церкви происходитъ вѣнчаніе, братъ невѣсты, продавшій ей косу, накладываетъ на возъ приданое и везетъ въ домъ женихова отца. Пріѣхавшаго встрѣчаютъ жениховы бояре и, взявъ приданое, съ крикомъ вносятъ его въ сѣни.

По окончаніи бракосочетанія, женихъ съ невѣстой садится въ одну телѣгу. Тысяцкій съ образами отправляется впередъ, за нимъ бояре, далѣе женихъ съ невѣстой, за ними дружка съ плетью и полудружьемъ. Весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Тутъ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ; новобрачные сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ и, наконецъ, отца и мать. Тысяцкій вводитъ новобрачныхъ въ избу. Начинается пиръ, какъ говорится, на весь міръ.

Когда новобрачные входятъ въ избу, женщины поютъ пѣсню:

Соколы прилетали,
Съ собою соколицу приносили.
Владѣй, Оадлей-соколъ,
Своей соколицей,
Не подавай въ обиду
Своимъ соколятамъ.
Бояра навзжали,
Съ собою привозили
Душу красну дѣвицу
Василью Митрофановичу.
Въ руки дали, Митрофановичу вручили:
Владѣй, сударь, своей Акулиной,
Не давай ее въ обиду
Ни свекрамъ, ни деверямъ.

Войдя въ избу, старикъ со старухой (родители жениха) отходятъ въ правую сторону; женихъ же съ невѣстой и со всѣмъ поѣздомъ стоятъ по среди избы. Дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, выводитъ ихъ впередъ и, сотворивъ молитву, восклицаетъ:

— Во свѣтлой свѣтлицѣ, во свѣтлой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

— Есть, отвѣчаютъ отецъ и мать.

— Благословите зайти намъ и молодому князю со княгиней за столы дубовые, за скатерти бранныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

— Богъ благословить, отвѣчаютъ родители.

Всѣ садятся за столъ, по порядку, кому гдѣ слѣдуетъ. Мать или отецъ жениха начинаютъ подносить вино, сперва жениху и невестѣ и, затѣмъ, всему поѣзду. Нужно замѣтить, что невеста не принимаетъ за столомъ ни вина, ни кушаній, потому что женихъ въ этотъ обѣдъ рюмку вина и всякой кусокъ раздѣляетъ съ невестой. Кому бы ни подносили изъ присутствующихъ вино, каждый кланяется въ поясъ и говоритъ: поздравляю васъ, Василій Митрофановичъ и Акулина Петровна, съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жить и поживать и добра наживать! Молодые кланяются и отвѣчаютъ: спасибо! Такія же поздравленія дѣлаютъ и родителямъ: поздравляю тебя, Митрофанъ Ивановичъ, и тебя, Маланья Семеновна, съ невестушкой! Дай Богъ вамъ жить, поживать и добра наживать! Старикъ, кланяясь въ поясъ, отвѣчаетъ: благодарство тебѣ, Иванычъ! Слава Богу, женили; живи только она, сама родимая, хорошенько. Насъ только вотъ я со старухой, тогда ихъ будетъ двоечка. Все ихно, что есть, все ихно будетъ, жить имъ—не прожить будетъ! Пущай поранѣ встанутъ, да попозже ложатся и своего наживутъ! Старуха вмѣшивается въ разговоръ: есть-тѣ, родимые, зачѣмъ встать! Есть чего походить и подѣлать! Слава Богу, есть чего попить и поѣсть! Дочерей-тѣ мнѣ Богъ не далъ, а у меня-то и въ самой приданого изъ дѣвокъ (тутъ она крестится) есть, слава Богу, еще парочка (т. е. юбка и кофта). Жива, все добро ей достанется.

Когда кончится «подача вина», приносятъ кушанья и ставятъ на столъ. Дружка, исполняя свою обязанность, встаетъ, а съ нимъ и всѣ присутствующіе. Дружка восклицаетъ: есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ, во столовой новой горницѣ, отецъ и мать родимые? Ему отвѣчаютъ: есть,—Благословите хлѣба-соли покушать!—Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители. Тогда дружка вынимаетъ изъ-за пояса складной ножъ и раздробляетъ кушанья; потомъ беретъ на вилку кусокъ мяса и подноситъ жениху, который раздѣляетъ его съ невестой. Такимъ же образомъ угощаетъ и другихъ. По совершеніи этого обряда, всѣ начинаютъ ѣсть сами, и вскорѣ все на столѣ съѣдается, за исключеніемъ свиной головы, которую, по обычаю, никогда не трогаютъ; даже по окончаніи свадьбы, ее вѣшаютъ съ лентами на жердь въ сѣняхъ, и хранятъ до другой свадьбы, если только голова не испортится. По окончаніи обѣда, женщины поютъ пѣсню:

За клетью, за границею,
За стѣной бѣлокаменной,
Не бѣла-то лебедь скакала—
Акулина восплакала,
Петровна возрыдала
Объ своей дѣвѣй красотѣ!
Какъ дѣвья-то красота
Краше краснаго солнышка,
А бабья-то красота—
Она по полу валется
И трубы сю затыкаются!

Между тѣмъ, свахи, тутъ же за столомъ, распинаютъ противъ молодыхъ шаль, въ родѣ ширмы, и даютъ имъ гребень. Молодой причесывается свои волосы и передаетъ гребень женѣ, которая, пригладивъ волосы, отдаетъ его сва-

хамъ. Свахи этимъ не ограничиваются: онѣ, придерживая шаль зубами, такъ чтобы закрыть молодую отъ любопытныхъ взоровъ, расчесываютъ ей волосы, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы и, обернувъ вокругъ головы, повязываютъ голову шелковою косынкой. По исполненіи этого туалета, шаль снимается, и молодая представляется всѣмъ уже женщиною, съ повязанною головою. Дѣвицы поютъ пѣсни, а подкутившія женщины «ревутъ» безошадно, во все горло. Между тѣмъ, свахи, взявъ молодыхъ за руки, ведутъ въ приготовленную для нихъ спальню. Молодые, опустивъ головы, идутъ медленнымъ шагомъ; за ними идетъ тысяцкій и дружка съ плетью. Вотъ вошли въ опочивальню. Свахи начинаютъ раздѣвать невѣсту, которая краснѣетъ и дрожитъ. Дружка говоритъ невѣстѣ: разуй-ко, Акулина, Василія Митрофановича!—Невѣста безпрекословно беретъ за сапогъ и хочетъ снять; но женихъ удерживаетъ и спрашиваетъ: кого ты разуваешь? Она отвѣчаетъ: разуваю Василія Митрофановича, моего мужа.—Тотъ, говоритъ мужъ довольно серьезно. Снявъ сапоги, невѣста зажигаетъ свѣчу передъ иконою и, вмѣстѣ съ женихомъ, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, молится Богу, отвѣшивая поклоны въ землю. Помолясь, кланяются свидѣтелямъ въ поясъ. Женихъ ложится на постель; невѣста подходитъ къ нему и говоритъ: пусти, Василій Митрофановичъ, ночку почевати, съ тобою мнѣ не ночку почевати, а вѣкъ кортовати? Онъ отвѣчаетъ: милости просимъ! Всѣ свидѣтели выходятъ изъ опочивальни.

Оставшіеся гости въ столовой, чтобы не нарушать спокойствія новобрачныхъ, перестаютъ пѣть пѣсни, и молча, только попиваютъ ливцо. Спусти часъ времени, дружка приглашаетъ сваху и идутъ навѣстить молодыхъ. Подходятъ къ дверямъ и дружка спрашиваетъ: «благополучно ли у насъ, Василій Митрофановичъ»? Всѣ гости съ нетерпѣніемъ ожидаютъ навѣстія: что скажетъ дружка, чѣмъ-то потѣшить родителей невѣсты. Если женихъ отвѣтитъ: «благополучно», что значитъ, что невѣста сохранила свою невинность, тогда дружка обращается къ гостямъ и объявляетъ о благополучіи родителямъ невѣсты и всѣмъ гостямъ во всеуслышаніе. Всѣ начинаютъ поздравлять мать и отца невѣсты, которые идутъ въ спальню жениха, за ними толпятся всѣ гости, рукоплещутъ и поютъ пѣсни. Дружка несетъ штофъ вина, а кто-нибудь изъ родственниковъ ведро пива. Когда всѣ войдутъ въ спальню, то дружка восклицаетъ: «Вставайте-ко, полно пѣзвиться!» Молодые еще не успѣютъ опомниться, какъ дружка открываетъ занавѣсъ и принудительно вытаскиваетъ молодыхъ. Молодые кланяются родителямъ въ ноги. Мать говоритъ: «спасибо, любезная дочка, что ты не ударила насъ и себя лицомъ въ грязь!» Молодые снова кланяются, а дружка, взявъ штофъ съ виномъ и рюмки, подаетъ молодому и молодой, которые потчуютъ родителей и гостей, за что каждый цѣлуетъ сперва молодого, а потомъ молодую. Гости возвращаются въ избу, оставивъ молодыхъ въ покоѣ. Гости долго еще пируютъ въ домѣ родителей новобрачныхъ, и только къ утру начинаютъ расходиться по домамъ.

На другой день, дружка, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ опочивальнѣ новобрачныхъ и кричитъ: «Пойдите-ко въ баньку, помойтесь, да попартесь!» Новобрачные встаютъ, берутъ чистое бѣлье, мочалку, вѣникъ и мыло и идутъ въ баню. Какъ только молодые вошли въ баню, дружка бѣжитъ съ полѣномъ, подпираетъ имъ дверь бани и дожидается въ сѣняхъ, пока молодые не будутъ

просить отворить баню. Тутъ начинаются переговоры. Молодая говоритъ: «дружка, отвори, пожалуйста баню, я тебя платкомъ подарю». Дружка спрашиваетъ: «скажи, кто у тебя въ банѣ? Мужъ, такъ-дѣ отворю!» Молодая отвѣчаетъ: «Чаво же тутъ и говорить! Кто больше можетъ быть со мною въ банѣ, если не Василій Митрофановичъ?» Дверь отворяется и молодая даритъ дружку платокъ; всѣ, затѣмъ, отправляются въ горницу.

Войдя въ горницу, молодые здороваются съ родителями и гостями, и потомъ отправляются въ опочивальню, чтобы немного лучше одѣться. Въ спальнѣ на столѣ стоитъ штофъ вина и рюмки; молодые благодарятъ родителей за вниманіе и начинаютъ потчивать виномъ сперва родителей, а потомъ гостей. Молодая раздаетъ подарки, начиная со свекра, которому подноситъ на большомъ подносѣ рубаху и порты. Свекоръ кланяется и говоритъ: «покорно благодаримъ за твои большіе дары! Вотъ-тѣ въ честь благодарности отдариваю соловой кобылой!» Сказавъ это, цѣлуетъ сына и молодую. Потомъ молодая даритъ свекру рубахой. Свекра, принявъ ее, благодаритъ, приговаривая: «покорно благодарю за подарокъ! Вотъ тѣ въ честь благодарности красная корова!» Затѣмъ, молодая даритъ всѣхъ домашнихъ и гостей, участвовавшихъ на свадьбѣ, носовыми платками, полотенцами, сергами и другими мелочными вещами. Всѣ отдариваютъ, въ свою очередь, молодую, кто чѣмъ можетъ. Въ этотъ же день дѣлается родителями обѣдъ, отъ имени молодыхъ. На немъ участвуютъ всѣ родственники и пріятели какъ жениха, такъ и невесты. Гостей встрѣчаютъ уже не родители, а молодые, и за столомъ угощаютъ они же.

Музыки на свадьбахъ не бываетъ, и потому она замѣняется пѣснями, а иногда гармоникой или баладашкой.

На другой день дѣлается обѣдъ для дружки, полудружьи и стряпockъ. Гулянка продолжается иногда дня четыре и болѣе.

Во время свадьбы, если дружка обнаружитъ, что невеста оказалась нехорошаго поведенія, и мужъ ей этого не проститъ, то, по приговору мужа, молодая жена наказывается плетью. Впрочемъ, это обычай старинный, и нынѣ мужъ мало обращаетъ на это вниманія. «Лишь бы Богъ далъ дѣтокъ, говорить мужъ, да баба бы была работающая!»

Отмѣтимъ нѣкоторые обычаи, повѣрья и предрасудки, наблюдаемые у дѣшнихъ поселянъ.

Въ каждомъ селѣ есть свои повѣрья и предрасудки, которые поддерживаются старухами, отличающимися своимъ искусствомъ лѣчить, напештывать, прогонять «дѣшихъ» и т. д.

Обыкновенно, когда родится младенецъ, бабушка сперва обмываетъ его холодною водою, приговаривая: «охъ ты, мой голубчикъ, надо-тѣ обмыть холодною водою, чай наскучило-тѣ лежать въ теплотѣ! Это тебѣ будетъ отрада! Да и въ послѣдствіи - то не станешь бояться холоду!» Послѣ того бабушка несетъ ребенка въ баню, обкатываетъ теплою водою и слегка паритъ вѣшникомъ.

Дѣтей здѣсь мать питаетъ грудью очень рѣдко. Старики всегда приказываютъ женамъ и невесткамъ своимъ приучать ребятъ сосать рожекъ, говоря: «въ лѣтнее время ты-дѣ устанешь на работѣ, вспотѣешь, какое тутъ будетъ молоко? Лѣшакъ, а не молоко! Если приучишь къ рожку и приставишь къ

дитяти мальчишку, то и онъ съумѣетъ съ нимъ нянчиться; а ты, голубушка, тогда можешь вольнѣ косить, жать и дѣлать домашнія работы!»!

Когда захвораетъ ребенокъ, призываютъ знахарку, которая беретъ горшокъ съ водою, что-то нашатываетъ и потомъ насильно вливаетъ больному ребенку воду въ ротъ; покричитъ, покричитъ и потомъ, какъ говорятъ крестьяне, выздоравливаетъ. Къ медицинскимъ пособіямъ крестьяне почти никогда не прибѣгаютъ: знахарка исцѣляетъ все и всѣхъ отъ всевозможныхъ недуговъ. «Сила—баба» потрафляетъ лучше какова-нибудь полдекаря», обыкновенно говорятъ здѣшніе крестьяне!

Но и знахарка призывается только въ крайнихъ случаяхъ, потому что это сопряжено съ издержками; большею частью мать лѣчитъ дѣтей сама. Такъ, напр., когда ребенокъ или парнишка захвораетъ, мать, прежде чѣмъ уложить ихъ спать, подводитъ ихъ къ кадушкѣ съ водою и обливаетъ голову. Или, схвативъ немыты ложки, моетъ ихъ и потомъ обливаетъ голову помоями. Если же ребенка кто-нибудь «сглазилъ», то мать, вымывъ себѣ руки, кладетъ ихъ между ногъ и велитъ стать передъ собою больному, приговаривая: «будь ты, милый, чистъ отъ всѣхъ повѣтрій и худыхъ глазъ!» И потомъ, руками гладитъ ребенку личико, и съ той поры «урокъ» прекращается.

По преданіямъ, начало сѣва хлѣбовъ всегда должно совершаться въ понедѣльникъ и вторникъ; если же въ эти дни у хлѣбопашца случилось какое-либо помѣшательство, то онъ ожидаетъ другого понедѣльника или вторника, и никогда не рѣшится сѣять въ иные дни. Вообще, нужно замѣтить, что посѣвъ хлѣба для крестьянина, живущаго только доходами отъ земледѣлія,—вещь важная, и потому сопровождается довольно набожнымъ обрядомъ: каждый хлѣбопашецъ въ первый день Пасхи, вибѣтъ съ куличемъ и краснымъ яичкомъ, несетъ на тарелкѣ всѣ роды зерновыхъ хлѣбовъ, разводимыхъ въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи заутрени и обѣдни, служитъ молебенъ Божьей Матери единственно ради благодатнѣйшаго посѣва и потомъ освящаются зерновые хлѣба. Эти-то зерна крестьянинъ хранитъ до поры посѣва. Вотъ наступилъ день насыпки хлѣба въ мѣшки; крестьянинъ входитъ съ лопатою въ амбаръ, дѣлаетъ знаменіе креста на хлѣбѣ и творитъ молитву: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» а другой говорятъ: аминь! Оба крестятся и, сказавъ: благослови, Господи! начинаютъ насыпать зерно для посѣва въ мѣшки. Послѣ того, хозяинъ приказываетъ жевѣ отыскать освященные зерна и высыпать ихъ понемного въ каждый мѣшокъ. Когда уже запрягли лошадей въ телеги, все семейство входитъ въ избу и, затѣпивъ передъ иконами свѣчи, всѣ садятся въ молчаніи; посидѣвъ съ минуту, встаютъ и читаютъ во всеуслышаніе «Отче нашъ»; потомъ дѣлаютъ поклоны передъ иконами и отправляются, кому слѣдуетъ, производить посѣвъ.

Огородныя овощи рѣпу и арбузы здѣсь садятъ и сѣютъ, если не на зарѣ, то въ сумеркахъ, такъ чтобы никто не могъ видѣть. Говорятъ, что это дѣлается потому, что овощи боятся «уроковъ» и отъ того не рождаются.

Когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, то богатые приговариваютъ: «отвяжитесь телята, жеребята и ягнята,—привяжитесь ребята!» А бѣдные: «приплодятся жеребята, телята и ягнята, разойдутся ребята!»

Скажемъ два слова о примѣтахъ. Каждому извѣстно, какъ важно для сельскаго хозяйства знать атмосферическія измѣненія: температуру дня и ночи, видъ неба, количество выпадающаго дождя, время вскрытія и замерзанія рѣкъ, знать среднюю температуру года и т. д. Къ сожалѣнію, наблюденія эти, если и печатаются въ книгахъ, но мало доступны для простаго крестьянина. И потому, сельскій житель, по невозможности воспользоваться печатанными наблюденіями, дѣлается самъ наблюдателемъ, прибѣгаетъ къ орудіямъ, созданнымъ природою, и по нимъ выводитъ свои собственныя наблюденія, помогающія ему въ сельскихъ занятіяхъ. Вотъ нѣкоторые замѣчанія или примѣты здѣшнихъ сельскихъ жителей:

1. Если зима бываетъ морозливая и малоснѣжная, то знакъ, что будущее лѣто будетъ хлѣбородное; напротивъ, теплая и снѣжная зима предвѣщаетъ необильно хлѣбородное лѣто.

2. Если первый осенній мѣсяцъ будетъ погодой благопріятенъ, то примѣта, что напрокъ, во время посѣва хлѣбовъ, будетъ такая же благопріятная погода.

3. Если весной первый сильный громъ будетъ слышенъ на востокъ, то замѣчаютъ, что будутъ ядреные и густые хлѣба; на югъ—урожай будетъ средній; на западъ—будетъ неурожай.

4. Весною, когда курицы начинаютъ нестись, наблюдаютъ, чтобы сберець отъ одной курицы, которая ранѣ другихъ стала нестись, три яйца. Каждое яйцо кладутъ особо, такъ чтобы не было ошибки въ томъ, которое изъ нихъ первое, второе и третье. Потомъ посредствомъ вѣсковъ узнаютъ, которое изъ нихъ тяжелѣе: если будетъ тяжелѣе первое, то замѣчаютъ, что первый сѣвъ хлѣба (т. е. 24 апрѣля) будетъ благонадежнѣе противъ прочихъ сѣвовъ; если второе яйцо будетъ тяжелѣе, то благонадежнѣе будетъ второй сѣвъ (т. е. 1 мая) и, наконецъ, если тяжелѣе будетъ третье яйцо, то благонадежнѣе будетъ третій сѣвъ (т. е. 9-го мая).

Такая же существуетъ примѣта въ грому: если весной первый громъ будетъ сильно гремѣть, то знакъ, что урожай хлѣба перваго сѣва будетъ лучше добротой въ отношеніи полноты зерна, чѣмъ остальные два сѣва; то же наблюдается и для второго и третьяго грома.

5. Въ ночь на Благовѣщеніе, намочивъ тряпицу, кладутъ ее на улицу; если она замерзнетъ, то предполагаютъ скудный урожай, если же не замерзаетъ, то хорошій урожай.

6. Въ хорошую погоду, если свинья визжитъ, ворона каркаетъ, а скотина утуляется подъ крышу, то знакъ, что скоро будетъ пере мѣна погоды: лѣтомъ—дождь, зимою—снѣгъ.

7. Урожай хлѣба также замѣчается зимою въ снѣгахъ, гдѣ мышь дѣлаетъ гнѣздо; если мышь дѣлаетъ гнѣздо около корня, то голь будетъ урожайный и цѣна на хлѣбъ низка, если по срединѣ, то урожай будетъ средній; если же въ колосѣ, то мало будетъ хлѣба и цѣна его высокая.

8. Если лѣтомъ ходятъ сильно облака и притомъ сняго цвѣта, то замѣчаютъ, что будетъ неустойе; если продолжается дня два дождь съ вѣтромъ, то значить, что скоро народится новый мѣсяцъ; если на небѣ много бѣлыхъ тучъ, и при этомъ начинается гроза, то замѣчаютъ, что будетъ градъ и молнія.

9. Если послѣ дождя становится тепло и земля испускаетъ изъ себя пары, а мелкій дождь съ солнышкомъ крапнуть, то замѣчаютъ, что будетъ ненастье.

10. Если на закатѣ солнца ярко горитъ вечерняя заря, то замѣчаютъ, что будетъ хорошая погода.

11. Если у старика или у старухи заболитъ спина, то говорятъ: это къ ненастью.

12. Если зимою на небѣ темныя и синія тучи, то замѣчаютъ, что будетъ снѣгъ; если небо чистое и немного синеватое, то ожидаютъ тепла; если вечерняя заря горитъ ярко, то ожидаютъ мороза; ясныя и чистыя облака съ маленькими темными тучками предвѣщаютъ, что густой снѣгъ снадетъ въ тайгѣ, и будетъ большой морозъ. Если чисто небо и вечеромъ много на небѣ звѣздъ, то ожидаютъ, что будетъ средней, т. е. въ 20° морозъ.

12. Если мышь станетъ грызть ковригу сверху, то предвѣщаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ, и цѣны на хлѣбъ возвысятся, а если снизу, то цѣны будутъ низкія.

13. Если во время первой заутрени, въ Воскресеніе Христово, будутъ лаять собаки, то предвѣщаютъ, что въ томъ году будетъ война.

14. Если пѣтухъ или курица по закатѣ солнца станутъ пѣть, то знакъ, что въ томъ домѣ будетъ неблагополучіе.

15. Если скотина весною съ поля принесетъ во рту траву, то знакъ, что для скота тотъ годъ будетъ голодный.

16. Если зимою воробьи щекокочуть и начнутъ собираться въ кучи, то замѣчаютъ, что будетъ оттепель.

17. Если дикая утка или тетерка сядетъ на крышу дома, то заключаютъ, что этотъ домъ загорится или въ домѣ случится несчастье.

18. Если сорока въ огородѣ дома щекочетъ, то говорятъ, гости будутъ.

19. Если чайки кучею летаютъ, кричатъ надъ рѣкою и потомъ садятся на воду, то говорятъ—дождь будетъ.

20. Если голуби или другія домашнія птицы купаются, а курвцы въ полѣ гнѣзятся, то говорятъ—дождь и ненастье будетъ.

21. Если журавли, въ пролетъ ихъ изъ холодной въ теплую сторону, долго кружатся на одномъ мѣстѣ, то говорятъ, что осень будетъ продолжительная.

22. Когда свиньи визжать, то ожидаютъ дождя съ вѣтромъ.

23. Если гусь вскричалъ на дворѣ въ огородѣ, то говорятъ, что кто-то чужой идетъ.

24. Если собака часто въ домѣ воетъ, то замѣчаютъ, что въ этомъ домѣ скоро кто-нибудь умретъ.

25. Если голуби плодятся, то ожидаютъ благополучія; если же они начнутъ перелетать въ другой домъ и тамъ плодиться, то заключаютъ, что это къ разоренію.

26. Если ласточки лнуть полетомъ къ окну или влетаютъ въ комнату, то замѣчаютъ, что скоро получены будутъ пріятныя вѣсти или письма.

Изъ употребительныхъ здѣсь пословицъ укажемъ:

1. Не слушай старова, а слушай бывазаго.
2. Прямая дорога наведеть на криву.
3. Великъ верблюдъ—воду возить; малъ золотникъ—на рукѣ носить.
4. Мѣнять да не пенять!
5. До славы крѣпись, а въ славѣ держись.
6. На всякомъ подворьѣ свое повѣрье.
7. Чуръ слово молвить!—въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать.
8. Шутка—дворка во хлѣвъ не заведеть.
9. У нашего Якова—трое всякова.
10. Шель бы далъ, лишь бы дали.
11. Каково дукнется, таково и откликнется.
12. Дѣвушка гулай, а дѣльца своего не забывай.
13. Обожнешься на молокъ, будешь дуть и на воду.
14. На чужой коровай свой ротъ не развѣвай, а по раньше вставай, да свой присигѣвай.
15. На чужую кучу глаза пучу.
16. У нашего Мартына нѣту ни алтына.
17. Слушалъ бы я не мало, да ума-разума не стало.
18. Занесло же меня и замыкало Ивана Зыкова: поѣхалъ я по дрова, а меня къ мордѣ бросило (морда—плетеный кузовъ, которымъ ловятъ рыбу)!
19. Пошелъ по ягоды—ищи же меня два годы.
20. Сегодня разгуляюся: размѣняю гроша два, куплю пива и вина.
21. Пойдемъ ко мнѣ! Я хоть сотникъ заложу, да праздникъ провожу.
22. Эхъ, братъ, ѣхалъ бы въ Ярославль, такъ чертъ дорогу переслалъ.
23. Что по рѣчкѣ плыветь, не всё перенять, а кто говорить, не всякому препенять.
24. Добрая слава на мѣстѣ лежитъ, а худая слава по дорогѣ бѣжить.
25. Что и бантъ про тебя—и собаки не лаятъ!
26. Ланись было—да сплыло.
27. Прежде бывало—живало, а нынче сдерживать стало.
28. Кто пьетъ вино, око убьетъ его.
29. Худова поща и въ алтарѣ бьютъ.
30. Гдѣ пирогъ съ крупой, тутъ ты съ рукой, а какъ плеть съ узломъ, тутъ нѣтъ тебя съ умомъ.
31. Каково на дому, таково и самому.
32. Что въ лѣсъ гаркнетъ, то и изъ лѣсу откликнется.
33. На лѣченой кобылѣ немного уѣдешь.
34. Сколочена посуда два вѣка живеть.
35. На кривыхъ колесахъ немного уѣдешь.
36. Ловушка стоять: пить и ѣсть не просить, а кого-нибудь чортъ бросить.

37. Доброе слово ребро ломить.
38. Худая птица худыя пѣсни поеть.
39. Умныя рѣчи хорошо и слушать.
40. На чужой ротокъ не накинешь платокъ.
41. Ты говори тому, кто не зналъ Оому, и же сродникъ ему.
42. Не было печали, пока черти не качали.
43. Для милова дружка и сережка изъ ушка.
44. Не люби—да почаще взглядывай.
45. Пей-ко, попей-ко,—на днѣ-то капелька, а еще попьешь и грошь найдешь.
46. Пить до дна—не видать добра.
47. Отцы-то на обухѣ рожь молотили, и то сыты были; а дѣти подо-спѣли—отцовъ безъ вѣку доспѣли.
48. Хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.
49. Это ничево, что пьешь чужое пиво: вари, братъ, свое пиво пьяно, да гляди прямо.
50. Съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись.
51. Не зовутъ бѣднаго пива пить, а зовутъ бѣднаго печи бить.
52. Въ нынѣшній свѣтъ не любятъ богатыхъ, а любятъ тороватыхъ.
53. Это не бѣда, что во ржи лебеда, а то много бѣды, что ни ржи, ни лебеды!
54. Онъ черезъ-чуръ свѣтелъ, да не все смѣливъ.
55. Не родись красенъ, да родись счастенъ.
56. Ума много, да денегъ нѣтъ.
57. Богачъ ѣдетъ въ каретѣ, а умной ходить пѣшкомъ.
58. Понимаю, что твой отецъ любилъ правду, только говорить пословица: вѣкъ правдою не проживешь.
59. Сколько ни живи, всего на свѣтъ не переймешь; сколько ни умничай, а все дуракомъ помрешь.

Изъ загадокъ съ отгадками, здѣсь употребительныхъ, отмѣтимъ:

× Мать толста, дочь красна, сынъ хоборберъ подъ небеса ушелъ (Печь во время топки).

Сынки хватки, а дочки подлизушки (Молотило и метла).

Часъ я исенъ, какъ алмазь, отъ матери родился и самъ ее рожу (Ледъ).

День чельнить, ночь чельнить—одно утро спить (Печная заслонка).

Сидитъ дѣвица въ теремѣ, а коса на улицѣ (Морковь).

Подъ душломъ завернулася клубкомъ, да и съ хвостикомъ (Рѣпа).

Лисой конь черезъ ворота глядитъ (Мѣсяць).

На горѣ-горницѣ зарѣзана телица: ни крови, ни руды—одна утолока (Жнитво отъ хлѣба).

Глядятся, глядятся, да не сойдется (Поль съ потолкомъ).

× Вѣжить свинья изъ Питера, всѣ бока истыканы (Наперстокъ).

Стоять вилы на влахъ, коробъ на коробѣ, ковало на ковалѣ, лютая щема, въ этой щемѣ лютые звѣри (Вши).

Съ полу взято, на колесницу внято, съ колесницы въ огненное пламя, а изъ огненнаго пламени въ черну рязу оболочено (Горшокъ).

Въ нашей избушкѣ Филатово имя (Огонь).

Ѣду, Ѣду, а слѣду нѣтъ (Когда плывешь по водѣ).

Рѣжу, рѣжу, а крови нѣтъ (Коврига).

Сидить нѣтухъ на воротахъ: хвостъ до полу, а голосъ до небу (Колоколъ).

Сидитъ баба на грядкѣ—вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ (Лукъ).

Двое стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить (Дверь).

Подъ поломъ, поломъ, стоитъ барыня съ коломъ (Помело).

Ни воротъ, ни дверей—полна горница людей (Зубы во рту).

Безъ рукъ, безъ ногъ—на гору ползеть (Квашня).

На спичку чего не повѣсишь? (Яйцо).

Царь видитъ рѣлко, Богъ никогда, а человекъ всегда (Равнаго себѣ).

Лежить на болотѣ доска, не сохнетъ, не мокнетъ и не ржавѣетъ (Языкъ во рту).

Стоитъ столбъ, на столбѣ колпакъ, не шитой, не мытой и не вязанной (Снѣгъ на столбѣ).

Днемъ висить, а къ ночи закладывается (Болтъ).

Плеть сплетена, вверху сведена, во сто узловъ, въ тысячу рублей (Церковь).

Два конца, два кольца, посреди гвоздокъ (Ножницы).

Кругъ города Городчанскаго, много скота литвянскаго—одинъ пастухъ, какъ ягодка (Знакъ мѣсяца).

Четыре приступи, четыре грамотухи, два акмухта и вертюкъ (Корова).
Менѣ Бога, больше царя (Смерть).

Лѣзу, лѣзу по желѣзу на мясную гору (Садиться верхомъ на лошадь).
Стоять два брата, однимъ пояскомъ подпоясаны (Два кола одной переплеткой связаны).

Безъ рукъ безъ ногъ Богу молится (Колыбель).

Станетъ выше коня, а слѣзетъ ниже кота (Дуга въ запряжкѣ и безъ запряжки).

Откину стегно, откину и друго и выведу живо (Вывести изъ запряжки лошадь).

Безъ рукъ безъ ногъ на гору ползеть (Опашка полей).

Вскричала утка на морѣ чутко, обѣжались дѣтки не одной матки (Благовѣсть въ колоколъ).

Заюшко, бѣлозаюшка, полежи на мнѣ! Хоть тебѣ трудно, дакъ мнѣ хорошо (Снѣгъ на озимовомъ полѣ осенью).

Вбѣгутъ два волка рядомъ и кверху смотреть (Сани).

Маленькій, пузатенькой по городу ходить—всѣхъ людей перебилъ и озеро напустилъ (Париться вѣнкомъ въ банѣ).

Двѣ дырки вмѣстѣ, и обѣ въ тѣтѣ (Двѣ невѣстки и обѣ небрежны).

Синенько, маленько, штучка небольшая, безъ его жить нельзя, сквозь тынъ книшка тянется (Игла).

У дѣвушки, у сиротушки, загорѣлось въ серодочкѣ, а у добраго молодца закавало съ конца (Самоваръ).

Пятеро держутъ, да пятеро пихаютъ, двое примѣчаютъ, ладно ли пихаютъ (Въ иглу влѣтъ нитку).

Лежить брусь во всю Русь, и на томъ брусу двѣнадцать гѣздъ, да по четыре яйца (Годъ—12-ть мѣсяцевъ, 4 недѣли).

Пирогъ мясной, а корка деревянная (Мертвое тѣло въ гробу).

На свѣтѣ три кривыхъ (Кривыя: рѣка, дорога и поскотина).

Вѣситя, болтается—настанетъ утро и всякъ притыкается (Рукомойникъ на веревкѣ).

Шоль, да шоль—въ землю ушоль (Шоль дождь).

Г. Пейзенъ.

29 марта 1857 года.